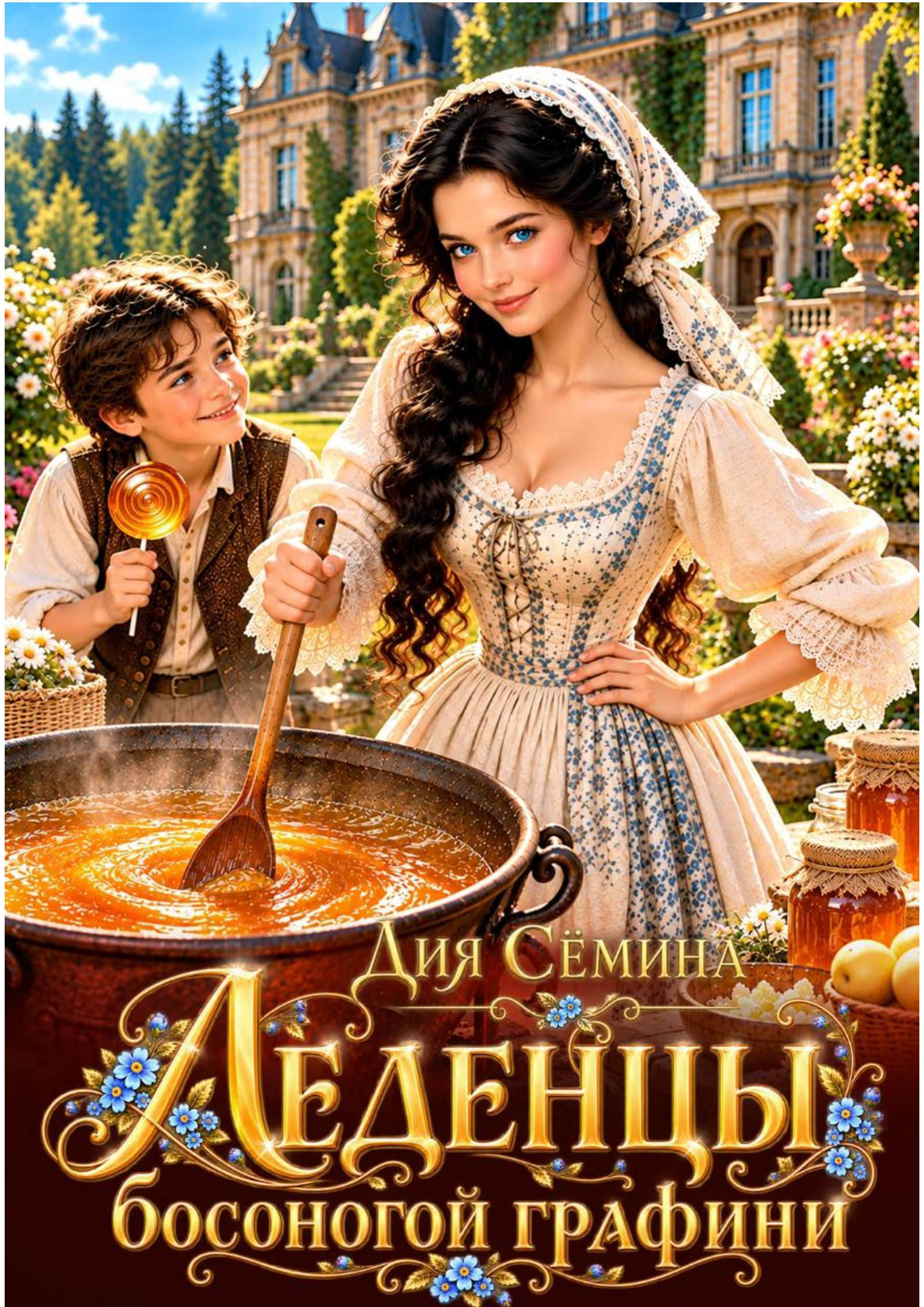

Дия Сѐмина

ЛЕДЕНЦЫ

босоногой графини

Дия Сёмина

Леденцы босоногой графини

«Автор»

2026

Сёмина Д.

Леденцы босоногой графини / Д. Сёмина — «Автор», 2026

Я — женщина суровая, закалённая жизнью, мать троих сыновей-ипотечников. Очнулась в теле наивной Офелии, девочки-ромашки, которую все намерены обобратить, ведь она — босоногая графиня, незаконнорождённая дочь графа. И первым примчался так называемый управляющий: его задача — меня обломать и выжить из поместья. Моя задача — преподать захватчикам урок, но горькую месть я решила подсластить леденцами: пусть сосут и завидуют моим успехам. Берегите зубы, господа! Ироничное бытовое фэнтези с романтическим настроением и элементами детектива. Россия. Взрослая попаданка в тело молодой девушки. Мир без магии. Лёгкий юмор ОДНОТОМНИК *Короткий любовный роман*

© Сёмина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Из огня да в полымя	5
Глава 2. Что происходит?	8
Глава 3. Девочка со стержнем	11
Глава 4. Два — ноль в мою пользу	13
Глава 5. Хозяйство	16
Глава 6. Предложение	20
Глава 7. Обыск	23
Глава 8. Бизнес	26
Глава 9. Тайны прошлого	31
Глава 10. Ещё одна причина уехать	33
Глава 11. Петрович	36
Глава 12. Ах, вот какие условия...	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Леденцы босоногой графини

Глава 1. Из огня да в полымя

— Живая! Уф, как её тянуть-то из болотной жижи? Нашла место, где увязнуть... Дурында бестолковая.

Злющий мужской голос, не стесняясь выражений, крикнул так громко, что у меня в ушах зазвенело, а потом пронзило болью всё тело. Ничего себе, очнулась. Пытаюсь открыть глаза, да куда там: мокрые волосы плотно облепили лицо. Дёргаю руку, а она не поддаётся: я за что-то вцепилась и не могу расцепить пальцы.

— Вз-з-з-з-з! — над головой кружит рой насекомых, рядом что-то непрерывно хлюпает и пыхтит, а к моим ногам, кажется, присосались пиявки. В довершение аттракциона «Последний герой» на мою макушку запрыгнула огромная жаба и противно квакнула — прям вишенка на торте.

Я женщина выносливая, но это уже перебор!

Ненавижу болота!

— Помогите! Спасите!

Зря я так резко заорала. Рядом внезапно зашевелилось нечто огромное.

— Фырр-р-р-р! — кто-то обречённо и жарко выдохнул мне в лицо и дёрнулся. Потом ещё.

Болотная ловушка вспенилась, забурила под мощными копытами тонущей лошади.

— Мать честная! Там и госпожа, не заметили, да как же так? Петлю накиньте кобыле на шею, сейчас тянуть будем! Ну... Вот же...

Вперемешку с не самыми приличными словами мужик начинает отдавать кому-то команды — в том числе и мне.

Пришлось разжать пальцы: это я, оказывается, вцепилась в гриву. Зеленоватой водой смыла с лица грязь и пытаюсь оглядеться. Вокруг типичное болото, и как меня сюда занесло — одному богу известно. Вообще ничего не помню и не понимаю: кто я, почему оказалась в трясине, да ещё в обнимку с зелёной лошадкой, и кто эти люди, что меня пытаются вытянуть...

Дна не чую — только неприятную тьму ила, а у лошади, похоже, есть ещё силы побороться за наши жизни. Умная кобылка поняла, в какую сторону двигаться.

С «берега» нам кинули петлю. Не задавая лишних вопросов, накидываю её на шею животного и тихонько понукаю, стараясь не пугать ещё больше. Потому что больше и некуда.

— Тянем! Вы там держитесь! За гриву-то держитесь! Вот русалка-то, мы вас и не видели, сейчас спасём! — мужик очень бодренько кричит, подбадривая скорее себя.

Медленно передвигая ногами в болотной жиже, лошадка начала двигаться. Распугивая лупоглазых лягушек и жаб, они даже заткнулись на какое-то время.

— Ещё немного! Уже круп Фрейи видно, ещё немного — и вы спасены, потянем! Ух...

Несколько бесконечно долгих минут — рывок, и твердь под ногами. Стоило осознать, что самое ужасное позади, и силы меня оставили. Падаю на ярко-зелёную траву. Мужик ворчит на кого-то, чтобы с телеги ведро притащили...

Зачем ведро?

У-у-х!

Ах, вот зачем. Чистая ледяная вода окатила меня потоком, смывая зелёную грязь. Немного погодя такую же экзекуцию несколько раз произвели над зелёной лошадкой.

— М-да! Тут не отмыть. До телеги придётся по узкой тропе проехать. Мы-то с Мишкой пешком, а вас посадим на Фрейю! Что скажете?

А мне и сказать нечего. Махаю рукой: мол, делайте что хотите, сил всё равно нет.

Крепкий мужчина лихо поднял меня с земли и без седла усадил на жаркую спину лошади. Мокрый подол хлестнул животное, заставил дёрнуться. Но крепкая рука спасателя удержала нас на месте.

— О, как к вашим ногам присосались-то. Нам такие не надо, — бесцеремонно задрал длиннющий подол и начал быстро убирать мерзких чёрных кровопийц с моих ног. Это теперь мой новый кошмар: болота, жабы и пиявки.

— Фу, — с отвращением взглянула и зажмурилась, не успев и разглядеть, что как-то странно выгляжу для своих пятидесяти пяти лет.

Знала бы я, что это самая малая часть неприятностей, какие меня ждут в этом мире. Но я ещё вообще ничего не знаю, не понимаю и не помню.

— Мишка, поспешим. Тучи собираются, до дождя бы успеть.

— Ага, дядь Федот!

Без лишних слов прошли метров сто по кочкам — вот и дорога, и телега.

— Может, вас в телегу пересадить? — крикнул мужик, но я лишь помотала головой. Платье мокрое, холодный ветерок пронизывает до костей, и только разгорячённое борьбой за жизнь тело лошади согревает, как электрообогреватель. Крепче обхватываю шею Фрейи, прижимаюсь к ней и замираю под её мерный, укачивающий шаг. Кажется, я задремала.

— Эй! Смотрите, смотрите: босоногая графиня стала Кикиморой болотной! Ха-ха! Кикимора и есть! Жениха среди жаб искала? — громкий выкрик заставил меня вздрогнуть, поднять голову и осмотреться.

Оказалось, что мы идём по окраине какой-то деревеньки, и парни гуртом преследуют нас, отвешивая не самые лестные эпитеты.

— Пошли вон, окаянные! Офелия Андреевна лошадь из болота спасала, а вам бы, дурням, только смеяться над чужими страданиями! — крикнул мой спаситель.

Но, услышав женское имя, парни заржали в голос. Я бы и сама рассмеялась, да не поняла ничего. Какая такая Офелия?

Я — Валентина Васильевна Обухова!

Хотела возмутиться, призвать нахалов к порядку, но не успела. Над нами просвистело нечто, потом пронзительный свист заставил Фрейю взбрыкнуть, да так живо, что я чуть не свалилась.

— Пшли прочь, дурни! Иначе хлыстом вас! Чтоб вам ни одна баба не давала! Ну! Сучьи отродья! — за нашими спинами прогремел раскатистый голос, и снова свист хлыста, а потом визг.

— У-и-и-и! Ай! Ты чаво, дядька, хлыстом-то? Ещё и проклятья!

— Того, щенки! Пшли к мамке, пока не выпорол! — ещё более страшно прогремел незнакомец и, наконец, догнал наш обоз.

И тут же выдал:

— М-да. Кикимора и есть. Это как вас в болотину-то угораздило влететь? — он осмотрел меня, а я успела отвернуться: не хочу слушать оскорбления от незнакомца.

— А вы, собственно, кто будете? — спросил мой «дядя Федот», не останавливаясь.

— Так, новый управляющий, Даниил Петрович Ланской. Имение Цветковых вот-вот переходит в собственность князей Дюжевых. Приехал пораньше, чтобы провести опись владений... И если это та самая Офелия Андреевна, то и помочь съехать, как оно положено по закону.

Ничего не понимаю. Медленно оттолкнулась от шеи Фрейи, выпрямилась и, с трудом осознавая происходящий бред, уточнила:

— А кто такая Офелия? Вы ко мне-то с какого перепуга прицепились? Езжайте своей дорогой и по закону делайте что хотите, только не орите мне в ухо, пожалуйста: голова болит.

— По закону о бастардах, после смерти старого графа Цветкова, усадьба переходит во владения ближайшего род...

— Мужчина, отцепитесь, а! Мне дела нет до этого вашего закона. Ищите свою Офелию и ей эти гадости бубните. Не смею задерживать.

— Вот те раз, госпожа, вы в своём ли уме? Ведь Офелия — это вы! Ну, это, давеча, накануне были...

Федот испуганно взглянул на меня, потом на незнакомца и многозначительно покрутил у виска, намекая на мою полную несостоятельность.

«Офелия и есть!» — прошептал новый «управляющий», намекая на свой широкий кругозор. Тоже мне, Гамлет нашёлся...

Добро пожаловать в историю «ЛЕДЕНЦЫ БОСОНОГОЙ ГРАФИНИ». Однотомник. Ваша поддержка в виде лайков и чтения очень поддержит книгу и музу. История захватывающая, ироничная. Не забывайте подписываться на автора, чтобы не пропускать новинки.

Глава 2. Что происходит?

Проехать пришлось довольно долго. Платье на свежем ветру постепенно превращается в «кору». Хочется пить, есть, но больше всего хочется понять, какого чёрта происходит.

Этот острый вопрос зреет в сознании с первой секунды, как только я открыла глаза. Но хоть убейте, ничего не понимаю. С одной стороны — чёткое осознание себя взрослой тёткой, матерью трёх сыновей-ипотечников. И посему беспощадно работающей на приусадебном хозяйстве, чтобы хоть как-то прокормить три семьи, помочь детям в непростую годину. С другой стороны — всё вот это: болото и я, какая-то совершенно иная.

Тайком взглянула на свою грязную руку, и сердце сжалось от ужаса.

«Я померла, а мои органы пересадили этой девочке. И теперь здравствуй, шизофрения», — подумала, вздохнула, но промолчала. Не хочу, чтобы меня снова называли дурочкой. Надо бы присмотреться к ситуации: может, это вообще сон, а я рано паникую.

— Всё, приехали! Вон усадьба показалась из-за деревьев.

Поднимаю голову и вижу огромный, очень красивый особняк — что-то среднее между дворцом и замком в миниатюре. Местечко как раз для Офелии.

Въехали во двор, и из дома выбежали три женщины, начали охать, ахать, но лишь для порядка, без особого сочувствия. Одеты они так же странно, как все остальные. Может, музей или староверы какие?

— Баню делать? Ох, наша госпожа-то зелёная вся, как болотная кикимора! Мы откуда её выловили-то? — крикнула одна из встречающих. Подошла ближе, но, зажав нос, без особой деликатности фыркнула и отошла к подругам.

Тот, кого называли Федотом, что-то им прошептал, впрочем, не скрывая эмоций, кивнул в сторону незнакомца и на меня.

И снова охи и вздохи: «Да что ж теперь будет-то, а?»

Но вопрос остался без ответа.

Зловонный запах болота, смешанный с «ароматом» уставшей лошади, беспощадно щекочет в носу, а чихнуть как следует сил нет. На людей стараюсь не смотреть: не хочется встречаться с недобрыми взглядами.

Да на меня, похоже, и внимание уже не обращают. Из-за отсутствия прямых приказов женщины так и не пошли «делать» баню. Стоят рядом и молча ждут. Похоже, что спускаться с лошади мне придётся самой.

Новый управляющий заставил всех замереть после краткого пересказа Федотом о произошедшем на болоте и в деревне.

Он гораздо страшнее меня и опаснее, в чём обыватели сразу же и получили возможность убедиться.

— Я новый управляющий помещьем. С этой минуты все приказы вы получаете только от меня. Офелия Андреевна теперь здесь живёт на общих основаниях, если, конечно, не пожелает уехать, скажем, в город.

И снова тишина, теперь уже зловещая. Женщины смотрят на меня. А я — на самозванца. Вот только прийти бы в себя, чтобы хоть «А» связывать с «Б». Но тут и так понятно: что-то не то происходит. И очень напоминает рейдерский захват. Интересно, почему он один, такой смелый...

— А основания у вас какие-то имеются? Кроме громких слов, от которых голова трещит, но зато и мухи разлетаются: судебное постановление, к примеру, завещание, купчая, долговая расписка? — ворчу не то чтобы громко, но тоже не пишу. И впервые смотрю на самопровозглашённого управляющего: он уже спустился с коня, привязал его и с таким хозяйским-хозяйским видом осмотрелся.

Хороший такой, крепкий образчик мужской харизмы. Не сказать чтобы холёный, но читается в нём военная выправка. И не мальчик, но муж — лет сорок, наверное, может, меньше, просто жизнью потрёпало.

А он, в свою очередь, устался на меня. Уж и не знаю, что пытается рассмотреть, но лицо вообще недоброе. Словно я его уличила в каком-то прохиндействе.

— Бумаги привезут господ, новые владельцы, ваша двоюродная тётя, если не ошибаюсь.

— Вот когда привезут, тогда и поговорим! А сейчас сделайте лицо попроще: вас тут никто не боится! — ворчу, пытаюсь спуститься, потому что сил терпеть свою вонь больше нет. Единственное, что я понимаю в сложившейся ситуации: всё, по какому-то странному недоразумению, считают «главной» меня. А я люблю быть главной и просто так должности не сдаю. — Федот, вот та бочка — это у нас что?

Делаю ударение на слове «нас», чтобы у чужака совсем пропали амбиции взять крепость с наскака.

— Так это дождевая вода, на поливку ваших роз.

— А-а-а! Ну, немного удобрения им не повредит.

Понукаю пятками лошадь, заставляя её пройти ближе к огромной бочке на углу огромного дома, перекидываю ногу, встаю, как циркачка, на бортик. А вода такая чистая, тёмная, и я её сейчас испорчу.

— Ух! — и ныряю с головой. Я так у себя на усадьбе частенько моюсь летом: вода за день нагреется — хорошо...

Погружаюсь с головой и надолго, стараюсь хоть немного отмыть уже засохшие волосы. Жаль, народу много: платье бы снять. Оно оказалось просторным, без всяких фендибоберов и утяжек. А почему бы и не стянуть, не тащить же в дом эту грязь?

Выныриваю и через голову стаскиваю серо-зелёную тряпку — верхнее платье. Шлёп — и оно падает на траву. На мне ещё и панталоны, и рубаха из плотной ткани — сплошное целомудрие.

— Принесите мне простыню. Баню всё же топить придётся: простой водой я не отмоюсь. Ну чего встали? Я же не голая! И заберите уже несчастную лошадь: мне самой её отмывать? — спокойно отдаю приказ, и женщины, очнувшись, спохватились, побежали в дом исполнять. Мужчины так и стоят, глядя на меня, как на кикимору болотную, случайно привезённую вместо нежной Офелии.

— Сударыня, мне говорили, что вы натура утончённая, артистическая и ранимая. Предупреждали, что с вами надо поосторожнее, чтобы не взять новым хозяевам грех на душу. Но...

Я продолжаю полоскать грязные волосы в бочке. Он меня, конечно, удивил.

— Лучший способ не брать грех на душу — не лезть в чужую жизнь. И сейчас не паяться на меня. Если так хочется быть управляющим, начните с простого: помогите мне вылезти, чтобы не поцарапаться о бочку, и позаботьтесь о лошади. А кстати, почему мы с Фрейей оказались в болоте?

— Так нас подожгли. Скотный двор сгорел — вон там, за домом-то. Вы кинулись коней спасать, Фрейя и понесла вас, не разбирая дороги. Всех почти собрали, но горюшко-то: поросят спасти не удалось. Цыплята пропали... И этот... Ну, это, ваш любимец Изумруд...

Простонал Федот таким голосом, словно мы все сейчас умрём.

Мои глаза округлились, сердце замерло, а ноги сделались ватными. Перед глазами — жуткая ночь наводнения и мои ужасные, глупые решения: не спастись на крыше в последний момент, а рвануть к хлеву, вытаскивать поросят...

Забегала в стойки, двоих схватила, и ледяная волна накрыла меня под истошный визг испуганных животных. И понесло потоком. Последняя мысль, какую я помню: хорошо, что младший сынок не приехал на выходные...

Вот так незатейливо я и померла в своём мире, прости, Господи, и помилуй мою душу грешную...

В глазах потемнело, и я ушла под воду...

— Да что же это, госпожа-а-а-а!

Глава 3. Девочка со стержнем

— Офелия Андреевна, очнитесь. Вот напугала-то, чуть не утопла в бочке. Новый-то вас спас, да в дом притащил. Сейчас лошадь моют, а потом в баню...

Неприятный шёпот над головой заставил мои ресницы вздрогнуть. Не сразу пришла в себя: в помещении полумрак, даже не пытаюсь осмотреться. Лежу, завернутая в одеяло, и не могу справиться с эмоциями, накатившими так же внезапно, как и сама эта идиотская ситуация.

Как там мои парни? Как мои внуки? Я уже два года как вдова, старую квартиру продали, я разделила на три доли, чтобы первый взнос мальчикам сделать на новостройки. Всё так ладно получилось: я переехала в нашу хорошую дачу у реки — сказочное место. Да, работы невпроворот, так и отдача.

Я до сих пор мыслями там. Хоть бы весточку детям подать, что я жива, и застряла...

А, собственно, где я застряла?

— Как вас зовут? — пересохший язык еле шевелится во рту.

— Дуня. Вы вообще ничего не помните? — с воодушевлением уточнила тётка: очень уж у неё хитрый взгляд. Не люблю таких, не доверяю.

— Помню, не надейтесь, что мне память отшибло. Это лютая усталость, вот и всё.

Соображаю с трудом, но чую: нельзя этим людям дать понять, что я всё забыла. Сейчас же наплетут небылиц, и я ещё всем должна останусь. Как-то надо хитрее, а вот как?

— Принеси мне еды, а потом собери в баню, сама обмоюсь. Мне уже лучше.

Женщина внимательно посмотрела на меня. Если я не помню, потому что ничегошеньки не знаю, то она меня точно не узнаёт. Видать, поведение очень уж артистическое было у Офелии. Офелия — понятно, девица, а вот к её папаше покойному вопросы есть, и немало.

— А вам как всегда? — вот не дура Дуня, вот какая, подловила на простом вопросе.

— Нет! Неси нормальную, крепкую еду: сил надо много.

Женщина хмыкнула, развернулась и вышла, как гусыня, переваливаясь с ноги на ногу.

Вполне возможно, что им плевать, кто тут хозяин. Приедут новые, более богатые — и начнётся у местных нормальная жизнь. Без всяких артистизмов, или как там этот управляющий выдал «диагноз».

— Друзей в этом доме у меня нет! — шепчу очевидный факт и пытаюсь встать с дивана. Пока она ходит за едой, нужно стянуть с себя мокрое нижнее бельё.

Быстрее раздеваюсь: нет времени знакомиться со своим новым «Я». Но тёмные укусы от пиявок по ногам чередуются с большими гематомами — и на руках, и на ногах. Видать, испуганная лошадь несла девоньку, не разбирая дороги. Но она молодец, не оставила животин.

Офелия, может, и ранимый цветочек, но на такой поступок слабачка не отважится: это ж она в горящую конюшню вошла. Видать, был в ней стержень. Я таких людей люблю и уважаю.

В шкафу нашла какое-то трёхслойное платье в мелкий цветочек, натянула через голову, завязала тонкую тесёмку вокруг тощей талии — и тут же Дуня без стука подала еду.

Вполне съедобное овощное варево, ломоть ржаного хлеба с намазанными толстым слоем сливками, кружку с горячим напитком.

Мама дорогая, какая я голодная! И пяти минут не прошло, как всё съела. И добавки бы спросила, но перед баней не стоит переедать.

Не время мне строить планы. Пока самое простое — привести себя в порядок и выяснить всё, что происходит в этом поместье.

От Дуни помощи не дождёшься: она вышла и пропала. Пришлось самой собрать бельё, простыни, мыло с умывальника — на всякий случай, чтобы потом не бегать, не искать.

И наобум идти искать баню.

Соловьи поют, тишина, красота. Обхожу дом — и вот она, большая баня, а дальше — пепелище и запах гари. Далеко, потому и не учуяла я его раньше.

Вид почерневшего, обгорелого скотного двора заставил меня замереть. Это же база любого хозяйства. Похоже, что тут не обошлось без поджога. Так и стою на дорожке, всматриваясь в черноту.

— Эй, баня ещё занята! Дайте мне несколько минут! — слышу тот же раскатистый голос нового «управляющего».

— Может, вам и спинку потереть? — не без язвительности ответила наглецу. Припёрся, понимаешь, ни единого документа не предоставил, а управдомом провозгласил. Прямо как в нашей старой квартире: война управляющих компаний — пока воевали, дом в упадок пришёл.

— Я бы не отказался, но потом ведь жениться придётся на вас, Офелия!

Паразит какой. Продолжает подкалывать.

— Так на Офелии, а не на кикиморе болотной, хотя вам именно кикимора и подойдёт. И, кстати, зовите меня Лия: это проще и более соответствует реальности. Офелия сегодня утром утонула в болоте.

— Лия? Офелия утонула? Вас две? — в темноте ночи из дверей бани показались бело-снежные кальсоны. Его самого и не видно: рубаху не надел. Сейчас будет мне тут тестостероном щеголять.

Закатываю глаза: что ж он тугодум-то такой.

— Лия! Кажется, я вполне нормально выразилась. Добрые люди постарались убить во мне нежную дивчину — вот теперь получают то, что заслужили! Надеюсь, после вас вода горячая осталась?

Он подошёл, не стесняясь своего оголённого торса, так же пышущего жаром, как и Фрейя сегодня днём. Остановился, преграждая дорогу, и очень долго посмотрел — прямо просверлил дыру. Но сверло-то обломилось. Я для него совершенно непонятное существо. Благо темень скрывает почти всё, и не так ярко наше противостояние: его крепкое, блин, тело, мой ужасный вид...

— Вода осталась! Скажу прямо, Лия, как бы вы себя ни называли, вы банкрот. Я за час обошёл ваше хозяйство и уже вижу убытки. Осенью вы не соберёте урожай: слишком рано засеялись, и заморозки с градом побили всходы. Соседи ваши успели пересеять, а у вас нет семян. В деревне вас не уважают и не боятся, и, похоже, не платят налог с земли второй год. Ну и апофеоз — поджог вашего сарая. А у вас, насколько я знаю, было три-четыре неплохих коня. Одного украли. самого ценного, Изумруд, кажется. Так что хоть Офелия, хоть Лия — дела ваши одинаково плохи, сударыня. Подчинитесь судьбе. Вы вроде не уродина, и в голове мысли правильные имеются. Найдите мужа и живите, как нормальная женщина.

*** Непереводаемая игра слов пронеслась в моей голове вперемишку с лютой злобой.

— Это мы ещё посмотрим, — я бортанула его плечом и побежала в баню. Из последних сил сдерживая слёзы обиды на обстоятельства. Ну что так не везёт? Почему в той жизни пахала как лошадь, и в этой жизни такая же ерунда?

А потому что я не могу иначе. Другая бы фыркнула, вильнула подолом и укатила в город за лёгкой жизнью, а я, пока всё не поставлю так, как мне надо, не отступлю.

Обухова... Меня плетью не перешибёшь.

Глава 4. Два — ноль в мою пользу

Утро ворвалось в мою комнатку приятными звуками соловьиных трелей и нудным писком комаров. Хороший такой аккомпанемент для пробуждения.

— Надо бы сделать полог над кроватью! — первое, что я прошептала, открыв глаза.

Ужасное «вчера» вспышками пронеслось в памяти: болото, лошадь, воспоминания, проблемы в поместье и он...

Не сразу вспомнила имя...

Дмитрий, Дементий?

Даниил Петрович.

Надо же, у моего мужа тоже отчество было Петрович. Его все так и называли.

Потянулась, ойкнула от боли во всём теле. Как отбитое филе перед жаркой, честное слово.

Откидываю одеяло и поднимаю ноги вверх, чтобы взглянуть на следы вчерашнего ужасного приключения.

— Мама дорогая! Живого места нет!

На руках такая же картина. Где нет ссадин, там следы от пиявок.

Девочка оказалась совершенно неухоженной. Даже я в свои пятьдесят пять, да с хозяйством, и то холёнее была.

В сознании пронеслось слово: «Сирота!».

Никто ей не занимался по-женски. Так-то она чистоплотная, но к холёности не приученная. Видать, отец знал, что после его смерти Офелия станет обычной дворовой девкой для новых хозяев усадьбы. Потому и не заморачивался о её внешнем виде, а может, и просто не придавал этому значения. У Белинского об этом много написано. Что девицы приводили себя в божеский вид исключительно перед сезоном балов.

Лежи не лежи — дела себя не переделают, а дел у меня — три вагона, пять тележек.

Не спеша встаю с постели, застилаю всё аккуратно. В комнате бы надо порядок наводить. Не люблю бардак.

Стирка уже накопилась. На скорую руку прибралась.

Вчерашнее платье натянула через голову.

Вот и расчёска с несколькими волосинками. Поморщилась: чужое же...

И на этой мысли замираю: это теперь моё, мои же волосинки на моей же расчёске остались после вчерашней попытки прочесать спутанную гриву тёмных волос.

Делаю неуверенный шаг к шкафу с зеркалом и замираю, потеряв дар речи.

Я в своей старой жизни считалась очень миловидной женщиной. Даже невестки говорили: «Вот бы девочек родить на маму Валу похожих...»

Но Офелия!

Она невероятная. Всё можно простить — и сбитые ноги, и неопрятность. Этого всё равно никто не заметит, потому что её синие бездонные глаза с длинными густыми ресницами как магнитом притягивают взгляд, пухлые губы, щёчки, как наливные яблочки, а улыбка такая милая!

Все вопросы к папаше Офелии мгновенно пропали. Если она хоть немного похожа на свою родную мать, то тут любому голову от страсти снесёт.

Эта девочка выиграла генетическую лотерею.

Про худенькую, но ладную фигуру вообще молчу.

Не знаю, сколько я собой новой любовалась. Не спеша расчесала длинные блестящие локоны. Я бы их и не собирала в пучок — очень уж хороши. Но хотя бы в высокий конский

хвост. Нашлась какая-то яркая лента в шкафу. Голову вниз, прочесать, собрать на затылке и туго завязать игривый бант.

И посмотрим, как этот аргумент пройдёт по самоуверенности Петровича.

Настроение заметно улучшилось: всё же один весомый козырь мне достался, остальное отвоюю.

И начать нужно с кухни!

Раз я встала, то и всем остальным пора вставать. Совершенно расслабленное общество.

Хотя нет! Кое-кто встал!

В окно заметила, как на улице у колодца умывается Даниил Петрович — по-мужски и с большим удовольствием.

Прелестно!

Хозяйка и управляющий на ногах, а работники дрыхнут!

Я бы рассмеялась. Но понимаю: это случай клинический и лечится категорично — сначала разговор, а потом увольнение и набор новых. Только сейчас я одна против них.

Спускаюсь на кухню, беру сковородку, деревянную ложку и начинаю стучать, проходя по комнатам.

Ошалелая кошка с диким ором выбежала во двор!

Домочадцы кто в чём выбежали из спален:

— Пожар?

— Подъём! Уже семь утра! Вы до обеда прохлаждаться собрались? В доме сра... Бардак, пыль в два пальца толщиной, кухня вообще жиром и гарью заросла, смотреть противно!

— Фу! Я-то думала, что случилось... Пожар снова. Госпожа, идите спать, вы сами раньше полудня не поднимаетесь, — проворчала Дуня, зевая, и собралась было вернуться в спальню.

— Теперь будут иные порядки. Потому и профукали всё. Я сказала, что с этого дня подъём в доме в шесть, значит, так и будет! — сковородка в моей руке — весьма увесистый аргумент. Однако есть ли полномочия?

— И что ты нам сделаешь? Всё, уgomонись, дурында, ты одна из нас! Служанка! Нищенка! Поняла? Босоногая графиня, кикимора болотная! Зря тебя Федот вытащил, надо было притопить. Мы дождёмся богатых хозяев, и ты у нас на побегушках будешь!

Вот это откровение! Дуня и вторая мегера смотрят на меня сверху вниз и улыбаются, чуя за собой победу.

А я вдруг вскипела.

— Думаете, что я не найду способ поставить вас на место? Отлично, у меня их несколько! Выметайтесь. Судя по всему, вы все три нахлебницы, живёте за счёт усадьбы, а палец о палец стукнуть лень. Пять минут прошлась по комнатам — и тошнит от грязи. Полы не мыты год! Думаю, что новый управляющий, если докажет свои права, то подтвердит моё мнение о вас!

Бабы переглянулись.

А я продолжила:

— В любом случае передавать хозяйство новым хозяевам предстоит мне, и написать на каждую из вас рекомендательное письмо тоже предстоит мне! Уж я напишу вам такой волчий билет, что вас и за три копейки не наймут! Ещё хотите выслушать мои идеи, как вас приструнить?

— Слушаемся, сейчас начнём работу, госпожа! — прошептала самая молодая. Но Евдокия и вторая полная даже не шелохнулись: до них с трудом доходит суть сказанного, или реально приняли меня не за Офелию, а за кикимору болотную.

— То-то же! Кто через час не приступит к генеральной уборке в доме, может считать себя свободным. Вещи собрать личные, причём проверю, не украдены ли хозяйские ценности, — и на выход, или в полицейский участок.

— Сбрендила баба... — прошептала Евдокия и поспешила в комнату.

Но ей здесь не работать больше: она воду мутит.

Женщины поспешили в комнаты. Спросить бы их имена, но не буду. Есть в доме «осведомитель», более покладистый, — мальчик Миша. Вот у него и узнаю всё.

Нет у меня доверия к тёткам.

Еду готовить для себя придётся самой.

Снова спускаюсь в кухню по широкой лестнице и слышу не бурные, но аплодисменты. Даниил Петрович стоит в дверях и, словно камертон, хлопает в ладоши.

Я поворачиваюсь, останавливаюсь напротив него и замираю, позволяя рассмотреть себя: отмытую, причёсанную и с победной аурой вокруг головы.

Бинго!

Он смутился!

— Ам! Д-доброе утро, Лия!

— Доброе. Вы ещё здесь? Ну что же, придётся делать завтрак на двоих. Не доверяю я этим стервам: плюнут ещё в тарелку. Да, бой я выиграла, но до победы ещё далеко!

И с гордо поднятой головой прохожу в сторону кухни. А мой пышный хвост, как маятник, туда-сюда. И я чувствую, как гипнотизирую ошaleвшего от моего преображения мужика.

Так и стоит в дверях, руки держит, словно сейчас хлопнет в ладоши, но забыл, как это делается.

Два — ноль в мою пользу!

Глава 5. Хозяйство

Кухня вызывает рвотный рефлекс.

С ума сойти! Это как так можно запустить всё и самим же готовить еду в таком свинарнике? На секунду, в моём свинарнике было намного чище.

При первом беглом осмотре показалось, что еды вообще нет, но есть мелкие дровишки, спички, и, к счастью, ко мне заглянул заспанный Мишаня, удивился: ожидал увидеть кого-то другого.

Пока не сбежал, ловлю его за руку и спрашиваю строгим голосом, чтобы не успел придумать повод увильнуть.

— Есть хочешь?

— Ага! — кивает с диким удивлением: видать, сама постановка вопроса поразила.

— Хлев сгорел, но курицы по двору бегают. Задача такая: принести чистой воды и собрать по разным нычкам яйца — они сейчас где угодно могут быть. Сделаю нам отличный завтрак.

— А дяде Федоту?

— И ему тоже. Так что придётся тебе хорошенько постараться.

— А вы точно умеете? Может, Евдокию позвать? Вы же поварёшку никогда в руках не держали...

— Никому не говори. Открою тебе секрет: я была заколдованная, а вчера меня настоящая кикимора болотная расколдовала, так и сказала: «Хватит тебе, Офелия, дурочкой ходить, людей смешить. Теперь ты Лия, и всё умеешь!». Вот так...

Парнишка вытаращил глаза, но спохватился, схватил старое ведро и сбежал, сверкая пятками, и мгновенно, разгорячённый, румяный, вернулся с водой. Ему очень любопытно, что я буду делать или как я вообще с этой кухней управлюсь после превращения-то. Пришлось цыкнуть и отправить за яйцами.

Через несколько минут у меня занялся огонь в печи, и первым я поставила закопчённый чайник, старательно отмытый внутри.

Ожидаемо, заварки не нашлось, только сушёные прошлогодние яблоки в жестяной банке.

Но в прохладном каменном схроне у входа в кухню обнаружилась бутылка молока, кусок солонины, завернутый в тряпку, крынка со сливками и немного сливочного масла.

— Ну, это совершенно иное дело.

Появилось у меня одно подозрение: кухню страшно оставлять — тётки могут напако-стить. А к ручью сходить надо. Но пока настрогала свежее сало с прожилками мяса — явно покупное из деревни. Прямо мелко, чтобы шкварки получились.

— Вот семь яиц! — помчался Мишка гораздо быстрее, чем я рассчитывала. Проворный пацанчик.

— Так, тёток сюда не пускать: они со мной в контрах. Посему мы завтракаем первыми, а потом они — перед отъездом. Сиди, карауль!

Мишка ничего не понял, вздохнул, почесал голову и сел у стола караулить.

А я бегом на край двора, где начинается не то лес, не то сад.

Как и думала: не тропинка тут, а ручей с чистейшей водой, старые раскидистые деревья и она самая — колба, медвежий лук. Свеженькая, яркая и ароматная. Набрала пучок: нам тут не целоваться, так что немного чесночно-лукового амбре не помешает — здоровее будем.

По дороге назад заметила куст жасмина: он только-только начинает цвести. Нарвала в подол соцветий — будет нам ароматный чай.

Замечаю, как Федот из-за дома выглянул. За ним и Даниил Петрович: они что-то там обсуждают, а сами с диким интересом наблюдают за тихой войной — кто кого одолеет: я или бабы.

Самой интересно, чем дело закончится.

— Далеко не уходите, товарищи мужчины, минут десять — и позову, — подогреваю аппетит и любопытство.

Мишаня сидит, ждёт, но кусочек сала урвал.

— Ух ты! Колба! Вкусно будет! Тут Маруся прибежала. Шепнула, что Евдокия Степаниду-то подговорила, и они собираются уходить: мол, денег у вас всё равно нет, и вчера они с этим новым-то очень поругались — так же, как и вы из-за грязи.

— Да неужели. Но если Маруся собирается остаться, то я на неё тоже завтрак сделаю. Всем хватит. У нас так: «Кто работает, тот ест!»

— Я работаю!

— Вот и молодец.

За разговорами я кипятком ополоснула старую чугунную сковородку и начала обжаривать салыце. В глиняной тарелке взбила яйца, добавила молока, ещё раз взбила вилкой. И осторожно вылила в шипящую сковороду. Мелко нарубленная колба туда же. Перемешиваю, подсаливаю слегка. И закрываю крышкой, чтобы поднялось.

Режу хлеб, мелко-мелко рублю остатки колбы и смешиваю с густой, жирной сметаной, чтобы хватило на хлеб намазать.

Незамысловатый, но вкусный деревенский завтрак. Не хуже, чем у Евдокии: она вчера варево приносила тоже довольно приличное на вкус, но тут уж характерами не сошлись... Посему, как говорит мой старший внук: «Досвидос, бабуля!»

В остатках воды сполоснула посуду, протёрла и поручила Мише расставить тарелки, кружки, ложки в небольшой столовой. А потом звать к столу тех, кто остаётся с нами.

Заварила жасминовый чай, распределила еду по тарелкам. Сервировка так себе, но пахнет волшебю.

— О, как! Неожиданно! Офелия Андревна, а когда это вы так готовить обучились? — Федот вошёл, помялся в дверях, но решился и присел с краю рядом с Мишкой. Вошла смущённая Маруся и тоже присела рядом с Федотом. Так и сидят: куда только боевой настрой делся.

— Называйте меня Лия. Договорились? А про еду скажу так: каждая нормальная женщина сможет из ничего сделать завтрак, скандал и шляпку. Скандал и завтрак есть, осталось шляпку. Но это подождёт до лучших времён.

Замечаю в дверях удивлённого Даниила Петровича. Кажется, что он уже к любому моему «проступку» готов — просто наблюдает и выводы делает.

— М! Пахнет отменно. Вы очень талантливы в кулинарии...

— Это вы ещё моих щей и борща не пробовали, — проболталась я, смутилась, но, к счастью, Федот пропустил мимо ушей. Все занялись завтраком. А Петрович и не понял, в чём заковыка этой нелепой фразы из уст Офелии, которая поварёшку в руках никогда не держала, по свидетельству Мишани.

— Очень вкусно! А сметана с колбой — как-то по-заграничному, мы бы до такого и не додумались, — Даниил третий ломоть хлеба уплетает с намазкой.

— Вот и ешьте. У нас сегодня очень много дел. На обед придётся щи с крапивой сварить или со щавелем. Добычу щавеля поручаю Михаилу. Марусе придётся начать разгребать кухню: мыть, драить, скрести. Совсем старые или очень с толстым слоем жира чугунки можно будет обжечь, а потом на досуге на берегу ручья песком отдраим. Я возьмусь за стирку, Миша мне помогает. Федот и Даниил Петрович делают навес для лошадей.

— Я? — Мы не поняли: чему Петрович удивился — тому, что его посчитали и в работники записали, или что мы его не выгоняем?

Миша быстро выдал базу: «У нас кто работает, тот ест!».

Вместо ответа управляющий искренне рассмеялся, но мгновенно взял себя в руки. У него есть миссия, и этот завтрак в неё не вписывается.

— Ничего смешного, Даниил Петрович, это наша база, на которой держится хозяйство. Времена трудные, но не безнадёжные. Немного освоюсь, придумаю идею для бизнеса, дела. Да, с посевом в этом году не повезло. Повезёт с чем-то другим.

Он слегка помрачнел, смотрит не то чтобы сердито, но с некоторым раздражением. Моя настойчивость заставляет его проявить силу? Он желал бы, чтобы вместо нерадивых тёток из дома уехала я и сдалась без боя?

Даже не задаю эти вопросы вслух: они очевидные. Мы просто сверлим друг друга взглядами. И я, как женщина, должна бы уступить, но я не уступаю и даже не моргнула.

Тогда он решительно начал старую песню, но с новым куплетом.

— Поймите, ваша ситуация ужасная, и пожар всё ухудшил. Вам лучше отступить от поместья. Через неделю приедут мои наниматели, и все ваши начинания окажутся напрасными. Зачем вы собираетесь чужим людям таскать из огня каштаны? Закон не на вашей стороне. Бастардам наследство не оставляют. Такая красивая и, как оказалось, невероятно разумная девушка легко найдёт себе отличное денежное место в городе. Послушайте добрый совет. Я даже напишу вам рекомендательное письмо к своему старому приятелю: он наймёт вас или горничной, или даже управляющей небольшой лавки. Позаботится о вас лучшим образом: он пожилой, его дети выросли, и вы хорошо устроитесь без этих подвигов.

Мы с ним сидим напротив друг друга, а Миша, Маруся и Федот, как китайские болванчики, одновременно поворачивают голову и смотрят то на меня, то на Петровича.

Я вскипаю. С одной стороны, он прав, всё так! И каждое его слово — бесценный совет, с которым можно идти в банк. Но я по какой-то причине не могу бросить это поместье. И как объяснить, что меня тут как канаты держат, вообще не понимаю. Ведь лично мне здесь всё неродное.

Только открыла рот, чтобы что-то эдакое ответить, как грохнула входная дверь. Да так, что в доме всё зазвенело.

— Тётки ушли! — прошептал Миша и снова то на меня, то на Петровича смотрит.

Я второй раз открываю рот, чтобы возразить, но теперь меня прерывает лай собак.

— У нас нет собак! Это кто-то знатный приехал! — в один голос крикнули Федот и Маруся, поднялись и на улицу. Эпицентр событий переместился во двор.

Мы с Даниилом бежим следом.

Вышли, стоим молча: точка в тяжёлом разговоре не поставлена. Тётки уже довольно далеко, обернулись, плюнули и пошли по дороге в деревню.

Скатертью дорога.

Кто лает? Где?

— За домом! Это, поди, по лошадям-то. Мужик какой-то с ипподрома приезжал давеча...

Федот оказался в курсе и понял, куда бежать, мы за ним.

Поворачиваем за дом и видим шикарного наездника на великолепном скакуне. Такого вылизанного коня никогда не видела: сияет на солнце так, что в глазах зарябило.

Пожалела я, что только что ела колбу. Как теперь рот-то открыть.

— Ох, сударыня, это вы, та самая Офелия Андреевна? — проговорил бархатистым баритоном незнакомец и улыбнулся, с жадностью рассматривая меня.

Да, я понимаю: есть на что смотреть. Он прекрасен, да и я не хуже.

— Допустим, я, А, простите, по какому делу вы ко мне без приглашения пожаловали? — говорю довольно ласковым голосом, просто чтобы поддеть Петровича.

— Хотел лично посмотреть на вас и сделать шикарное предложение относительно племенного жеребца Изумруда. Мой парень был у вас неделю назад, и вы сказали, что подумаете.

— Ох-ох! — простонал Федот и на ухо мне шепнул: «Изумруда прошлой ночью украли!».

Глава 6. Предложение

Из-за лая псов гость не расслышал слов Федота о трагедии с моим жеребцом. Свистнул, приказал собакам сесть и ждать. Те мгновенно послушались. Он наконец спустился, встал передо мной и мило улыбнулся. Пришлось сделать шаг назад — помню про «амбре» колбы. Плотнее поджимаю губы и улыбаюсь в ответ.

Мы как-то слишком долго изучаем друг друга. Ещё немного — и он позабудет, зачем приехал.

Незнакомец очень хорош, чертовски хорош. Как у нас говорят: «Модельная внешность». Если бы я успела обвыкнуться с мыслью, что тоже недурна собой, то, наверное, начала бы с ним кокетничать. Но я всё ещё ощущаю себя взрослой, пусть и оптимисткой по жизни, но матерью троих сыновей, таких же, как этот приезжий принц.

Потому не кокетничаю, не пытаюсь пустить в ход женские чары, а говорю напрямик, но интонации в голосе стараюсь использовать самые приятные, что не так просто после «боевого» утра.

— Не помню, как вас зовут, уж простите.

— Марк Тимофеевич, хозяин большого ипподрома, коннозаводчик.

Он не назвал своего титула. Скорее всего, дворянин или считает, что его и так все знают. Все, да не все.

— Жаль, но вы опоздали. Видимо, кто-то прознал о вашем предложении — кто-то из ваших же друзей или врагов — и приехал чуть раньше...

Не успеваю договорить: незнакомец перебил, будто его задели мои слова:

— Вы продали коня кому-то за большие деньги?

— Если бы! Они спалили нашу конюшню, забрали моего коня, а я чуть не погибла в болоте, спасая свою любимицу Фрейю. Так что буду признательна, если найдёте тех подлецов. И ваша совесть подскажет вам правильные действия, а именно: забрать у воров коня, оплатить мне его стоимость и разойтись с вами миром.

Марк Тимофеевич потемнел. Забавно, что он абсолютно не обращает внимания на Даниила Петровича и на Федота: для него существуют только я. Стоило подумать, как он предложил:

— Сударыня, пройдемся, надо переговорить с глазу на глаз!

— Да, конечно. Но мы здесь профилактику вирусных заболеваний устроили: после охлаждения ели колбу, посему неуютно себя чувствую.

— Колбу? — Марк переспросил, с интересом глядя на меня.

Киваю.

Он сделал несколько шагов к ручью, пошарил в траве, вырвал несколько стебельков, ополоснул в потоке родника и зажевал.

— Так вам будет спокойнее?

— О мой Бог! Такого я вообще не ожидала.

И никто не ожидал.

Петрович закашлялся. А Марк Тимофеевич протянул мне руку, согнутую в локте, и повёл дальше, в сторону сгоревшей конюшни. На той стороне ручья стоит привязанная на длинную верёвку зелёная Фрейя. Долго её ещё отмывать — до такого блеска, как конь нашего гостя.

— Вы невероятно хороши собой! Мне сказал Кузьма, что вы неземное создание...

— Кхе-кхе-кхе! — слышу за спиной громкий, настойчивый кашель Петровича.

Поворачиваюсь и довольно громко советую:

— Даниила Петрович, выпейте жасминовый чай, пока тёплый, — он поможет от кашля!

Идём дальше...

— Так вот, Кузьма мне расписал вас как сказочно красивую девушку.

— Простите, Марк Тимофеевич, не смею предположить, какое отношение ваш комплимент имеет к нашему делу.

Марк улыбнулся. Он производит впечатление умного и прозорливого человека. В таком деле, каким он занимается, без хитрости и психологии долго не протянешь. И, кажется, почти всё про меня понимает, кроме одного: что мне уже очень много лет и я знавала таких напыщенных красавцев.

— Комплимент имеет отношение к моему расположению в отношении вас. Как бы так более тонко выразиться... Я же веду бизнес с мужчинами. А вы несколько притупили мои способности выражать свои мысли... Право слово, не хотел вас обидеть пошлым комплиментом. И не знаю, как бы деликатно спросить об очень интимном вопросе.

Он реально засмутился. Мы отошли на внушительное расстояние, встали недалеко от сгоревшей конюшни. Псы так и идут за нами молча, и сияющий конь тоже идёт следом, хватая по дороге траву.

— Спрашивайте как есть, представьте, что я мужчина...

— Боже, это невозможно. Начну иначе. Изумруд ведёт свою династическую линию от одного очень-очень ценного арабского производителя. Хозяин даже портрет заказывал маслом.

В моём сознании начался взрыв петард.

Этот конь один стоил как половина этого поместья?

— Не томите, я понимаю, к чему вы клоните...

— Позвольте, закончу предысторию. У Вихря было несколько ветвей наследников: пять или четыре. Не самые удачные кобылы испортили помёт. Трое дали отличный результат, но произошли несчастные случаи, как проклятье, ей-богу: пожар, мор, сломанная нога без возможности заживить. И сейчас наследниками Вихря являются три шикарных животных. Изумруд — один из них. Вы неделю назад попросили отсрочку в продаже из-за того, что хотели, как бы это сказать деликатнее...

— Я хотела, чтобы Изумруд покрыл Фрейю, и только тогда его продать?

— Уф! Да! С вами легче иметь дело, чем с мужчинами.

— Спасибо! Не могу сказать, как всё прошло. Вполне возможно, что эмбрион не закрепился. Мы с ней провели несколько часов в болоте, уже думали, что утонем, но нас нашёл Федот. Сама не понимаю, как ему удалось рассмотреть в жиге голову лошади. Так что сожалею. Эта трагедия подкосила моё положение окончательно. Выдели бугая?

Марк поднял голову и посмотрел на Петровича.

— Он чего-то требует от вас?

— Да, всего! Я бастард, босоногая графиня, у меня нет прав ни на что — но это, исходя из его слов. Однако никаких бумаг я у него не видела. Деньги мне нужны. Это уже не деловой разговор, а про выживание. Найти Изумруда было бы самым важным, но я не смогу этого сделать. Будет ли у Фрейи жеребёнок от Изумруда, тоже непонятно. И продать вам её сейчас я не могу: слишком много неопределённости. Так что мне жаль, но случилось то, что случилось. Удача была так близко, но, увы. Возможно, через несколько недель у меня заберут и Фрейю.

— М-да! Ситуация плачевная. Ваша Фрейя очень хороша: она быстрая, и фактура у неё хорошая. Если она родит жеребчика, будет очень хорошо: перспективное потомство ценится не менее родителей. Сама она выйти на дорожку уже не сможет — нет навыка, — но её потомство позволит мне вернуть с прибылью вложения. А пока купить её для меня означает оказать вам помощь. Но поступим так: подготовьте документы на Фрейю и на Изумруда. У меня есть ветеринар от бога: он дней через десять приедет и проверит состояние лошадки. Я выплачу вам хорошие деньги — хватит на года два-три скромной, но безбедной жизни.

— Документы?

— Да: паспорта, родословные, купчие или дарственные — всё, чтобы провести сделку. А я пока отправлю своего парня в полицию. Не пугайтесь, если завтра или послезавтра к вам приедут сыщики. Не трогайте пока пожарище. И не сдавайтесь.

— Спасибо, вы приободрили меня, — улыбаюсь.

Марк стянул с левой руки нежнейшую лайковую перчатку и протянул мне руку. Я отвечаю на деликатное рукопожатие, а он подносит её к губам и целует. Неожиданно замечаю у него обручальное кольцо. Он женат.

И это открытие вернуло меня с небес на землю:

— Значит, у меня есть несколько дней, чтобы найти документы?

— Надеюсь, что они не потеряны. Иначе даже Изумруд — простой конь. Сложно понять, зачем его выкрали без документов.

Задал он мне задачку.

Оборачиваюсь: а Петрович-то стоит как истукан. Глаз не сводит с нашей пары.

— Могу попросить об одолжении, — шепчу моему новому «подельнику».

— Конечно!

— Наклонитесь, слегка поцелуйте меня в щёку, и мы рассмеёмся. Очень хочу позлить этого индюка.

Мы рассмеялись искренне, заливисто и очень долго. Немного успокоившись, Марк наклонился и осторожно поцеловал меня в щёку, а на ухо прошептал:

— В любом случае, если у вас будут проблемы, обращайтесь — я что-нибудь для вас придумаю. Как друг!

И мы расстались.

Вздыхаю почти обречённо, потому что прекрасно понимаю: найти документы, скорее всего, не получится...

— О чём вы говорили? — голос Даниила Петровича вырвал меня из размышлений о документах. Поднимаю на него отрешённый взгляд и на честном глазу отвечаю:

— Он сказал, что если вы выкинете меня на улицу, растопчете мою артистическую натуру, то он протянет мне руку помощи: приютит, пригреет, спасёт. Как друг...

И ресничками хлоп-хлоп!

— А вы этого хотите? Вы от него без ума, как он ради вас колбу... Даже не поморщился.

— Да, настоящий джентльмен, хорошо воспитан, романтичный и отзывчивый. Пойду, однако, вздохнуть, мечтать...

Клянусь, я слышала скрип зубов Петровича. Как говорит мой старший внук: «Йес!».

Так ему и надо. А то смотрите: сколько у него добропорядочных способов выкурить меня из поместья — и ни единого варианта, как помочь.

Нарочно сильнее виляю бёдрами, и мой пышный хвост снова раскачивается в такт шагу. Заворачиваю за дом, скрываюсь от огненного взгляда «управдома». И бегом в дом.

Мне предстоит перевернуть все бумаги в кабинете покойного отца Офелии: документы на коней, документы на поместье. Вообще все документы. Как я раньше о них не подумала.

Глава 7. Обыск

— Госпожа, так кухню вам мыть? — испуганная Маруся кричит вслед моему громкому топоту по деревянной лестнице.

Пришлось остановиться, отдышаться, спуститься на пару ступеней и пояснить:

— Кухню мы моем не для меня, а вообще для всех. В такой грязи подцепить ротавирус на раз-два, и будем бегать в сортир не переставая. В приличных домах туалеты чище в сто раз!

— А... Ну, тогда понятно...

— Дошло, наконец! Мой, чисти, скоро приду помогать.

Закатываю глаза: сама бы быстрее сделала. Вот потому-то она и осталась — инертная и без энтузиазма. Хотя мне своего энтузиазма девать некуда.

Снова срываюсь с места в бег.

Под ногами скрипят половицы. Пыль вековая слетает с мебели, а пауки прячутся по углам. «Погодите, доберусь и до вас, дайте пару деньков осмотреться».

Кабинет ожидаемо заперт.

Закрываю глаза, пытаюсь вспомнить, попадалась ли на глаза где-то связка ключей от всех дверей.

Никаких воспоминаний из настоящего. Секунда — и внезапно вспышка: это не воспоминание, к каким я привыкла, это память тела. Чтобы войти, надо поднять руку и потянуться.

Так и делаю: в полумраке с трудом нащупываю выступ над дверью. Ух, и пыль посыпалась! Чихаю под звон упавшего на пол ключа.

— Отлично! И ключ нашёлся, и кое-какие воспоминания всё же есть. Хотя бы так.

Быстро открываю дверь, вбегаю и закрываюсь.

Темень, как в могиле: запах табака, пыли, ладана и старости. В этот кабинет после смерти старого графа никто не входил. Офелия, несчастная девочка, очень страдала. Не такая она и глупышка, просто в безутешном горе после потери единственного родного человека.

Осматриваюсь: типичный кабинет девятнадцатого века, как в фильмах или в музеях писателей и художников.

Книжный шкаф, массивный стол, кресло, тумба-бар, лампы, плотные шторы. Чтобы их открыть, пришлось зажать нос: очень много пыли и даже плесени.

Может, и не стоит биться за этот дом: по-хорошему, его бы снести и построить новый, более современный и удобный.

— Где же спрятаны бумаги? Эх, слишком долго искать, если методично и последовательно. Надо довериться интуиции, а уж потом, если не повезёт, то...

Осматриваю книжный шкаф.

Всё типичное: книги в старинных, дорогих переплётках. Художественная литература, энциклопедии, какой-то устав, потом кодекс законов и юридический справочник.

Вот они, те самые книги.

Перетряхнула — и пусто.

М-да, интуиция не сработала.

Замечаю в углу лесенку-табуретку.

— Ага! Не всё потеряно, — сама себя подбадриваю: очень уж напряжённая ситуация, и времени мало, не хочется привлекать внимание Петровича к внезапным поисковым операциям.

Осторожно поднимаюсь на подставку, проверяю верхнюю полку и чуть не вскрикиваю от радости.

Самая толстая книга, без названия и оформления, оказалась тайником. Открываю крышку — и там пара скруток купюр, три небольших женских колечка, кулон на цепочке,

какой-то вексель, а ещё внушительный золотой рубль, новенький и определённо очень ценный. Всё это я забираю. Если кто-то решит меня выгнать силой, то, скорее всего, ещё раз войти в кабинет не позволят.

У платья есть карманы. Позже придумаю, как спрятать. Подвеску сразу на шею. Кольца — на пальцы. Правда, пришлось надеть на большие, как моя младшая невестка носит, но зато всё при мне.

Тумба, ожидаемо, оказалась баром: кроме графина с настойкой, ничего интересного.

В столе кто-то основательно пошарил. Всё пусто, даже клочка бумаги нет.

Сажусь в кресло и начинаю нервно постукивать пальцами по деревянной поверхности: хоть бы одна зацепка. Ни сейфа, ни тайника в кабинете нет. Плохо, что у меня и собственного документа на руках нет. Ещё объявят крепостной: ничего же не знаю об этом замысловатом обществе.

Наклоняюсь под столешницу — и тоже пусто. А вот сама столешница оказалась с секретом. Дорогое лакированное покрытие из тёмного дерева просто лежит поверх старого стола.

Если присмотреться, то видно, как сильно полки и ножки отличаются от крышки.

— Так! Отличный сыщик из меня получается. Может, это тоже память Офелии.

Убираю со стола письменные принадлежности, приподнимаю новый верх — и вуаля!

— Ух! Хоть что-то.

Письмо и документ, похожий на моё старое свидетельство о рождении, — первым делом его и открываю. И это именно то, что я искала: личная карточка гражданки Российской империи.

Антонова Наталия Андреевна.

Отец: Андрей Владимирович Цветков.

Мать: Антонова Агриппина Степановна.

В браке на момент рождения младенца не состоят.

— М-да, вопросов гораздо больше, чем ответов. Значит, Наталия-Офелия Андреевна всё же бастард. Офелия — это домашнее имя, а Наталия дано при крещении. Завещания нет, документов на коней нет. Вариантов для спасения тоже нет. Даже не удивительно.

Я расстроилась: в письме оказался отчёт о какой-то работе некоего К. М. Звягина, старшего советника юридической коллегии. По сути, даже не отчёт, а заверение, что всё исполнено в срок и согласно договорённостям.

Это единственный и последний хвостик запутанного клубка. Если найти этого советника, то, возможно, он пояснит, как обстоят дела на самом деле.

Свою карточку и письмо забираю, письменные принадлежности возвращаю на свои места. Нутром чую: больше ценностей в этом кабинете нет.

Разве только кодекс законов забрать. Полистаю на досуге для окончательного прояснения ситуации.

Сейчас задача — спрятать ценности, а чуть позже найти благовидный предлог проехать в город, чтобы Петрович ничего не заподозрил, и найти господина Звягина К. М.

Закрываю дверь в кабинет, прячу книги в своей комнате, собираю охапку белья на стирку и спешу вниз.

Так, стоп. Обед!

— Маруся, а напони мне, где у нас разные крупы и другие запасы, овощи? Обед-то делать, не пустые же щи хлебать.

— А вот там, с чёрного входа-то, сенки холодные, там и храним. Вот ключи на гвоздочке висят, — протяжно, распевно ответила и снова за работу.

Вздыхаю, беру ключи и иду на ревизию продовольственного запаса. Что-то появилось нехорошее предчувствие. Быстро нашла, что искала, и поняла, что предчувствие не подвело: запасы скудные, а хуже всего, что сюда кто-то затащил мокрые мешки с овсом или зерном; в темноте не разобрать — прорастает кое-где.

Немного гороха, ещё меньше пшена, муки, но эти хотя бы сухие. Вот тебе и повод ехать в город: продовольствия нет.

Испорченное зерно курицам подсушить да отдать?

Вытаскиваю один мешок на улицу, чтобы рассмотреть, и понимаю, что это остатки с посевной: видать, под дождь на поле попали, привезли назад и забыли.

Хозяйственность — не самый сильный конёк наших работников.

— А вот всегда хотела попробовать кое-чего из солода сделать. А тут и ждать не надо: вон проросло само...

— Уж не самогонку ли гнать собралась, красна девица? У нас за такое зло без разрешения губернатора можно и три недели тюрьмы схлопотать! — с каким ехидством Даниил Петрович произнёс свою очередную отповедь! Прямо спит и видит, как бы меня подловить и в тюрьму засунуть.

— Всё бы вам, добрый молодец, нос не в свои дела совать да гадости говорить. Не измеряйте меня своим аршином. Если вы только о крепких напитках думать изволите, то мы, девушки, думаем только о сладостях! И вообще, берите пример с Марка Тимофеевича: он ради моего комфорта даже колбу зажевал, а вы только подначивать.

— Прохиндей он напыщенный! Сам, поди, Изумруда вашего украл, да за документами приехал, а вы и рады щёку подставлять! Тьфу...

Не выдерживаю и прыскаю залиvistым, звонким смехом.

— А не ревнуете ли вы, Даниил Петрович? Мы с вами вроде как по разные стороны баррикад — враги. Вам ли не лучше от того, что я спутаюсь с каким-то прохиндеем, сгину, да и решится ваша проблемка? А вот, кстати, если на то пошло, с чего это вы меня желаете именно сжить из дома? Почему не прийти с документами, не провести опись и законно не выставить меня на улицу? Молчите? Вот именно. И кто после этого прохиндей? Время покажет. А пока помогите мне этот мешок отнести к ручью, ближе к бане: там под навесом устрою себе летнюю кухню.

Надо было видеть, как он побагровел, побледнел. Понял, что я не такая мямля, какой меня кто-то расписывал, а тоже кое-что в этой жизни понимаю. Наши взгляды встретились: у него на лице желваки ходуном, а у меня — довольная улыбка.

Три ноль в мою пользу!

Глава 8. Бизнес

К делам я приступила как типичный СДВГ-шник. Начала всё сразу и параллельно. Причём довольно быстро как-то всё получается. Вот что значит молодость! Я и будучи Валентиной не такая уж прям старая, но приятную разницу заметила. И это вчера у меня столько приключений случилось, а я снова в строю и горы сворачиваю.

Минут через двадцать уже и бельё в бане медленно кипятится, а я на большой доске огромным тесаком рублю проросший солод. Курицы сбежались, создали шумный переполох, оглушили — пришлось бросить им лакомство. Но когда увидели нож — как ветром сдуло. Видать, это не простой тесак, а тот, что буйные петушиные головы сносит.

— Правильно, бегите, без вас спокойнее.

Решила пойти чуть более простым путём: я же для себя делаю, потому обойдётся без долгой ферментации и многократного прогрева. Как в китайских видео для медитации: если получится сладость, то и хорошо, а не получится — скормлю курицам да Фрейе. Делов-то.

Сейчас себя и ощущаю такой романтичной деревенской девушкой из прекрасных завораживающих видео: всё вокруг красиво, я ещё красивее, ручей журчит, птички поют, и я рублю и рублю тесаком.

А на самом деле мне нужно время для принятия важного решения. Может, и прав Петрович, и придётся таскать каштаны из огня, а точнее сказать, наводить лоск в доме, чтобы потом из него вылететь пулей под оглушительный хохот деревенских, новых хозяев и всех остальных...

Со злости уже не рублю, а кромсаю несчастный солод — зато пар выпущу. Ух, его во мне накопилось...

— Миша, принеси-ка мне из кухни большой котёл, тот, что на полу у печи стоит, — ну такой чугунок с ручками. И большую миску, а потом за щавелем беги.

— Сейчас! — крикнул помощник и убежал в дом.

— Надо же, с первого слова понял, и дважды просить не надо!

Через минут двадцать усердного отмывания закопчённых стенок большого чугунка у меня появилась отличная тара для вымачивания подготовленного солода. Добавила чистой воды; вдвоём с Мишей поставили чугунок на тёплую печь в бане, и я теперь занялась стиркой и полосканием белья.

— Лия Андреевна, а что этот новый к вам прицепился? Вот сейчас там за домом, у столярки, Федота спрашивает, что вы да как. А вы и впрямь совсем другая. Про кикимору — это не сказки?

Поднимаю голову от белья: слишком уж пространный вопрос получился у мальчонки.

— А о чём Петрович спрашивает Федота?

Миша посмотрел в сторону, откуда доносится шум мужской работы топором, потом вверх — видимо, пытается дословно припомнить. Молодец, хороший шпион.

— Почему у вас в руках всё горит, а дом в запустении? Точно ли вы — это вы, не подменили ли вас, чтобы новых хозяев запутать? Какие у вас отношения со старым графом были?

— Вот поганец, всё собирает, ищет слабые места, чтобы меня отсюда выселить. И что Федот ответил?

Мишка ухмыльнулся.

— Да с Федота спрос-то велик, а ответ как куриная какашка: наступить и не заметить.

И снова смех. Мне этот пацан нравится всё больше и больше. Он такой искренний, но не наивный и не глупый. У меня такой средний сынок, Алёшенька...

Не вовремя вспомнились такие же времена на даче, когда я одной рукой варенье варю, второй банки с огурцами закручиваю. Мальчишки прибегают: «Мам, чем помочь?», а я им: «Не мешайте, вот и помощь!».

Смахиваю горькую слезинку. Надо было каждого обнять и поцеловать, да вот так с ними-то дела и делать.

— Ладно, бог с ним, с Петровичем. Понимаешь, я в болоте, видать, вони-то нанюхалась и отравилась: многое забыла. Это пройдёт, но нужно время, чтобы память-то вернулась. Ты мне скажи про нашу жизнь в поместье до пожара.

— Да чего рассказывать, обычно жили: вы с книжками, или там что-то вышивать, или на Фрейе за поля в луга. Тётка семечки щёлкают день напролёт; когда жрать захотят — обед варят на всех. С вами не шибко-то и считались: все ждали, когда настоящие хозяева пожалуют. Тётка какая-то есть княжеского чина, но, помилуйте, не знаю — вреднее чёрта.

— А к отцу кто-то приезжал? Может, родственники или деловой кто-то?

— Да, часто приезжали. И стряпчий был. Я им закуску в кабинет подавал, о вас говорили, но я не понял ничего — мало слышал. Может, вот этот-то и припёрся из-за тех разговоров.

— Понятно!

На самом деле ничего не понятно. Но теперь уже появилась абсолютная уверенность, что в город ехать нужно, и срочно. Прополоскала бельё, отжала, как смогла тощими ручонками, и развесила на верёвках. Ветерок быстрее просушит.

Одно дело сделано.

— Теперь обед, а потом снова в бане работу работать и сахар варить будем.

— Сахар? А это что?

— Сладкий, как мёд, кристаллики такие. Не пробовал?

— Мёд пробовал. А ещё граф Андрей Владимирович как-то голову привозил — лакомство. Жутко дорогое. Мне разок дали кусочек. Ой, а мы прям такое будем делать?

Начал Мишка мечтательно, вспомнил ту эйфорию от сладкого вкуса и расплылся в улыбке.

— Надеюсь, что получится. Ты щавель нарвал? Тогда ещё хоть бы три яйца найди, отварим, в щи покрошим.

— Ага! — крикнул и умчался.

Не очень доверяю расторопности Маруси. Уже скоро обед, надо бы заняться щами да проверить, что там мужчины сделать успели. Петрович хоть и управляющий, а я люблю всё контролировать: у меня щи получит тот, кто усердно потрудился.

У мужчин работа кипит: на скотном дворе четыре бревна вкопать успели. Осталось периметр да навес. Если Фрейя жерёбая, то ей нужно более основательное стойло, а малышу — ясли.

У Маруси работа не кипит, но продвигается. Решила не дёргать её: сама щи сделаю, а она пусть моет и чистит, что ей по силам.

Через минут тридцать — некое подобие щей со щавелем на сале; вместо картошки — просо. Яйца отварили, покрошили; с остатками сметаны сойдёт.

— Мишань, зови мужчин обедать! — крикнула в открытую дверь, и снова воспоминания накрыли из недавнего прошлого: вот только дети приезжали забор править да стайки подновить, и я также их звала к столу.

С каждым часом тоска накрывает. Кажется, мне уже плевать на события, происходящие в этом мире или времени. Что сейчас с моими мальчиками творится? Поди, узнали, что меня волной смыло.

Стою и всхлипываю.

— Лия Андревна! А что случилось? — Федот заметил слёзы, искренне поинтересовался, а сам смотрит мимо меня на стол, где стоят тарелки, до краёв наполненные щами.

— Щи пересолила! Проходите, дел ещё много, а вы как не дома.

Проворчала и вышла: надо умыться и успокоиться.

Слышу, как в доме мужики Мишаню пытаются, мол, чего это она. А он что-то шепчет в ответ. Надеюсь, к совести призывает. Да мне уже поровну всё.

У меня началось отрицание реальности.

Вернулась, молча села за стол и начала есть. Между прочим, знатные щи получились.

— Вы потрясающе справляетесь с кулинарией! Вроде простые щи, а насколько вкусны — невозможно оторваться, — неожиданно выдал Даниил и внимательно посмотрел на меня, словно приценился.

Кажется, я прочитала его мысли и тут же выдала:

— Ну так, приедут новые хозяева — буду проситься кухаркой. Натура я артистическая: вот из ничего щи сварганила!

— Зря вы так, Лия Андреевна, — виновато простонал Петрович, но есть не перестал.

— Это вы зря, но понимаю: человек вы подневольный, что прикажут, то и делаете. Поэтому лучше молчите. И на самом деле мне вообще уже всё равно... Уеду в город, раз вы настаиваете. С чего мне упираться и идти против всего мира? Можете праздновать победу. Документов на коней нет, завещания нет, дарственной нет, и я действительно родилась вне брака. Довольны?

— Зря вы так... Недоволен я этими обстоятельствами.

— Слушайте, ешьте молча, и без вас тошно на душе. Не стоит пытаться выгородить себя в этой ситуации и пытаться быть хорошим. Белое пальто вам не к лицу...

Обед продолжился в абсолютном молчании.

Всю вторую половину дня я провела в бане. Там рядом с чаном для воды есть прогар, видать, для кипячения чайника. Я на него установила большой чугунок — не самая удобная посуда, но другой нет.

В таз через тонкую ткань, напоминающую марлёвку, довольно долго цедила солодовый крахмал. Не совсем верно всё делаю, да это и не так важно: мне просто нужно заняться хоть чем-то. Завтра руки будут ныть, но я уеду в город и отдохну от трудов праведных. Откладывать эту поездку нельзя.

Наконец началось неспешное вываривание воды из солода. Пришлось и Мишу подключать к этому делу: следить да немного помешивать. А сама прошлась по дому, нашла стекло, отмыла в тёплой воде. Будет у меня два варианта: или простые формы на стекле формировать, остужать и ножом отщёлкивать. Либо как чупа-чупсы накручивать на палочку. Для палочек взяла на камине большой коробок спичек — длинные такие, идеальные. Только головку отрубить — и готово.

Отлично. Если бы солод наверняка крепенько схватился, то было бы идеально, но уверенности в результате пока нет. Придётся экспериментировать.

Всё подготовила и стеклянную вазу с крышкой для печенья отыскала, тоже отмыла, просушила: будет куда остывшие конфеты складывать.

Тем временем на дне чугунка большая ложка с трудом проворачивает загустевшую карамель.

Сейчас бы наполнителей: пудру сахарную, рисовый крахмал как загуститель, патоку, или кусочки ягод, или сметану замесить. Но у меня пока ничего нет. Придётся выкручиваться с тем, что есть.

— Готов? — спрашиваю Мишаню, а он заворожённо смотрит на тянущуюся янтарную массу.

— К чему?

— К творчеству. Сначала сделаем простенькие медальоны на палочке. Потом подумаем, как усложнить процесс.

— Ой, Лия Андревна, ничего я не понял.

— Ну тогда смотри. Держи стекло ровно. Я ложкой сейчас делаю ровные круглые конфетки и вставляю вот эти палочки для удобства. Да что я говорю, сейчас увидишь. Внимание, начали! Хоть бы не растекалось! Хоть бы не растекалось!

И не растеклось. Мы долго варили. Даже если бы я всю эту массу остудила, а потом расколотила на мелкие кристаллы, всё равно было бы потрясающе вкусно. Но мы творим историю.

Когда на стекле появилось штук тридцать ровненьких конфеток, а в котелке ещё на три таких же порции осталось карамели, я облегчённо выдохнула.

Это вам не золото, это валюта посolidнее будет.

— Неси холодную воду в тазу. Стекло на края ставим: вода снизу должна остудить наши конфетки. Ждём, и ты первый будешь пробовать.

— Правда? А вам не жалко?

— Для такого хорошего парня мне ничего не жалко.

Конфеты застыли. Я осторожно отщёлкнула их краем ножа от стекла, протянула одну Мише и сама взяла, осмотрела с пристрастием в вечернем свете, полюбовалась вполне сносной формой и попробовала на язык.

Миша осторожно, словно бриллиант, положил конфету на язык, через секунду блаженно закрыл глаза и растаял в довольной улыбке.

— А я всего-то хотела заесть сладким горечь обиды, а как оно классно-то получилось, а?

— Офелия, ой, Лия Андревна, я вас люблю! Если вас выгонят, я с вами, ладно...

И смех, и грех — вот так признание от пылкого влюблённого. Понимаю, что это чувства как к старшей сестре, но леденец окончательно убедил мальчишку, что со мной ему жизнь будет слаще, чем тут при новых хозяевах.

— Много нельзя, зубы испортятся. Возьми вот эти конфетки и угости наших. Пусть Петрович язык откусит...

Мишка рассмеялся в голос, схватил три бесценных леденца и помчался с благой вестью, что у нас тут сахар случился.

Ожидаемо: через несколько минут к бане примчались Даниил и Федот. Смотрят на то, как я ложкой формирую следующую партию круглых леденцов, и, кажется, действительно проглотили языки.

— Ну вот, уйду я — уйдёт и сладкая жизнь из этого дома! Миша решил, что уходит со мной! Сейчас конфетки доделаем и пойдём, две сиротинушки, в город, в батраки наниматься.

Миша смотрит на меня и конфеты, улыбается. А Даниил громко выдохнул, психанул с чего-то и пошёл в дом. До меня долетело только: «Уйдёт она, ишь, кто её пустит!».

Странный мужик: остаюсь — плохо, ухожу — ещё хуже.

— А можно ещё? К чаю? — решил Федот, и я ему позволила: как-никак спаситель мой. Сможет ли конфетка оплатить то, что он так настойчиво нас искал?

Кажется, от сладкой эйфории он даже не заметил наши с Петровичем огненные стрелы. Хотя, может, и сам Петрович не заметил: просто психанул, а я тут зачем-то думаю, не повернулся ли он, чтобы посмотреть, не повернулась ли я.

Одним словом, бред, какой давно пора прекращать. Я его не переиграю без документов, и он такой же подневольный: ничего не решает. Так и что на него внимание обращать.

Федот взял три леденца, подмигнув, тихо шепнул, мол, для жинки Маруси, и ушёл. А я чуть конфетой не подавилась: она, оказывается, из-за мужа осталась, а так бы тоже свинтила с бабами. Да кого это уже волнует.

Собирая свою «мастерскую», шепнула Мише, что завтра с ним рано утром на конях поедem в город и желательно об этом никому не говорить.

— Могила! А мы конфеты в бакалейную лавку сдадим? — ничего себе, дельный совет от младенца.

— А разве так можно? Они принимают?

— А отчего ж нельзя? Всё деньги. Вам же надо о себе позаботиться, ну и обо мне... Я не «шутю»: в доме при новых хозяевах не останусь. Слыхал, там князиха — ух и мымра. Ой, ну это, злющая! Потому тётки и сбежали. А я с вами конфеты варить — ух, разбогатеет!

Глава 9. Тайны прошлого

Вечером мы ещё долго сустились по хозяйству, видать, леденцы замотивировали всех на дружную работу. Федот начисто с мылом отмыл зелень с белоснежной Фрейи; ноги и хвост зеленоватые — тут уж что есть, то есть. Миша тихо, втайне от Петровича, собрал и подготовил упряжь на утро и протёр седельные сумки, о чём мне шёпотом и доложил.

Чистое бельё собрала, в шкаф убрала, нашла приличное платье для поездки в город, вместо шляпки — кружевную косынку. Только бы дождя не было.

Маруся тоже расстаралась: кухню отмыла, всё по местам расставила и даже пшённую кашу успела сварить.

Люблю, когда в доме всё вот так, без понукания, само делается.

Единственный, чьи дела меня не интересуют, — Даниил Петрович.

Кажется, он вечером проделал такую же поисковую работу, как и я в кабинете утром, но он вскрыл и обыскал личные покои отца Офелии-Наталии, и, судя по недовольной физиономии, тоже ничего не нашёл.

Вечером — баня; уж воды мы с Мишаней накипятили вдоволь.

Я отдраила пятки, руки, кое-как ровненько подстригла ногти — не нашла нормальные ножницы, пришлось обычными.

Кажется, к поездке в город я готова.

Сегодня спала на чистом постельном белье как убитая, а проснулась ещё затемно. Мишаня прокрался, толкнул меня в плечо и прошептал: «Я пошёл на двор, а вы это... Собирайтесь, завтракать по дороге будем: в таверне за пару копеек пирожки купим, у меня деньги есть».

Прошептал и на цыпочках вышел.

Сон как рукой сняло. Быстрее вскакиваю, расчёсываю волосы, делаю высокую шишку. Платье тёмно-синее, с простенькой вышивкой, — очень миленькое, наверное, самое лучшее из всей одежды Офелии. Старые сношенные туфли надела на босую ногу — летних чулок в доме не нашла.

В небольшую дорожную сумку сунула документы и ценности. На голову — кружевной платок, на плечи — шаль, и чуть было не забыла банку с леденцами.

Осторожно завернула драгоценность в наволочку, прикрыла дверь и на цыпочках спустилась по лестнице на первый этаж. Благо храп Федота замаскировал предательский скрип ступеней.

Первые лучи ещё не согревают, но, хотя бы, уже что-то видно.

Миша очень проворный. Своего коня уже под седло поставил. Теперь занимается Фреей. Всё молча: лошадиное фыркание — привычный звук, а вот наши голоса точно поднимут Даниила Петровича, а мне такого сопровождающего совершенно не хочется тащить с собой в город. Он же ничего сделать не позволит: будет либо подначивать, как с самогоном, либо ныть, что я должна съехать и устроиться в лавку к его другу, — тоже мне, хедхантер нашёлся.

Прячу банку с леденцами в седельную сумку и как-то очень лихо взлетаю на Фрейю — снова память тела. Офелия была неплохой наездницей, а я за всю жизнь от силы пару раз к коням в парке подходила, и то один раз это был пони: внуков катали.

Седло высокое, мужское, но очень удобное. Привстаю, расправляю юбку под попой и сажусь, как королева. Страшновато с непривычки: лошадь высокая, если грохнусь, то мало не покажется.

Миша молча махнул рукой, и мы отправились в путь.

— А до города далеко? — самый важный вопрос-то я и не уточнила. Мы вообще с пустыми руками, только леденцы. Хоть бы воды взять.

— Часа два. На перекрёстке есть трактир — это примерно полпути. Отдохнём и дальше поедem. К открытию лавок успеем.

Он умело управляетcя с конём и говорит с абсолютной уверенностью, что всё, что мы делаем, — верно!

Очень он красивый для деревенского сироты...

Смотрю на него, и внезапно закралось такое подозрение, что, если бы не утренний холод, я бы испариной покрылась.

Миша тёмненький, волосы густые и слегка волнистые, глаза выразительные, губы тонковаты, и нет ямочек на щеках, но всё остальное...

А не брат ли он мне? В смысле, Офелии?

Где один бастард, там и второго нагулять любвеобильному графу-то... Может, матери разные, но отец явно один. Как бы спросить, чтобы не обидеть?

— Миша, а напомним, как ты появился в поместье? Кто твои родители? Если я, допустим, тебя заберу, у меня потом проблем не будет от кого-то из твоих родственников?

— Ой, вы, Офелия, то есть Лия Андреевна, спросили... Точно память отшибло, — он хмыкнул, как взрослый мужичок. Но сразу сделался серьёзным. — Моя мамка работала на графа, недавно померла. Потом и ваш батюшка того... Преставился. Я сирота. Были б родные, наверное, забрали бы. Пацанчики в хозяйстве всегда нужнее, но я никому не нужен.

В моём сознании просвистела обжигающая мысль: «Вот ведь ёлки-моталки! Он точно мой брат по отцу, ох, старый грешник Андрей Васильевич. Теперь я физически не смогу оставить мальчика на произвол судьбы! В тот мир мне не вернуться: слишком отчётливо помню момент, как ледяная волна меня накрыла, утянула в пучину, и вдохнула я только в болоте, в теле Офелии».

Выдохнула. Заставила Фрейю догнать Мишку и тихо ему сказала правду:

— Миш, мне кажется, мы с тобой брат и сестра. Ты тоже бастард графа. Посмотри, мы даже похожи. Потому ты мне нужен, мне! И я твоя родня. Прорвёмся, сделаем конфетную фабрику и утрём носы этим зазнайкам.

Смотрю на него, и у самой слёзы по щекам, и он вдруг зарыдал, протянул мне руку, и мы так и ехали некоторое время, крепко сцепив пальцы. Он догадывался, да только Офелия его не признавала. Уж по какому принципу она себя считала лучше, сложно понять. Но пусть это останется на её совести. Я детей не бросаю.

— Спасибо, я не подведу! — громко шмыгнув носом, прошептал мальчик и ещё раз пожал мою руку.

— Главное, не пытайся делать больше, чем можешь. Ты хоть и мужик, но маленький.

И в этот момент меня качнуло, в сердце так кольнуло, что из глаз искры посыпались, поплохело, да так сильно, что я наклонилась на шею Фрейи.

— Что с вами... с тобой? — вскрикнул братец.

— Это ведь ты меня искал, ты не сдавался и упросил Федота проверить болотину. Тебе я жизнью обязана, ведь так? — сквозь слёзы простонала истину, которая до меня только дошла, как до утки на третьей сутки.

— Угу, — смущённо прошептал он и опустил голову. Огромная детская слезинка скатилась по носу и капнула на сюртук.

Всё, я не выдержала, остановила лошадь, прыгнула, и Мишка — так же.

Обнялись и стоим на дороге, рыдаем. Видимо, впервые за всю недолгую жизнь.

Глава 10. Ещё одна причина уехать

— А если нас взаправду выгонят, куда пойдём? — после того как мы немного успокоились, Миша задал резонный вопрос. О котором я и сама думала, да пока вообще никаких идей.

— Думаю, что сможем взять в аренду домик. Может, квартиру — всё зависит от нашей сделки. Если конфеты и леденцы дадут нам шанс, то и подумаем, как нам лучше поступить. Я даже навскидку штук пять-семь вариантов рецептов придумала, а если как следует постараться, то да сё попробовать — то мы и с десятков видов конфет сделаем. Потому нам нужно будет найти постройку с какой-то пригодной кухней, может, магазин. Посмотрим.

— Мне кажется, что конфеты ваши до вечера расхватают.

— А цена? У меня есть немного денег, только я не понимаю, забыла расценки. Ты вот про пироги говорил.

— Ну, пирог с мясом и с кружкой киселя или морса — три копейки. Вот такая плошка мёда, давеча Федот торговался с пасечником, встанет в семь копеек.

Он сложил ладони лодочкой и показал довольно маленький объём.

— Если мы спросим по одной копейке за леденец, то это нормально?

— Если бакалейщик накинёт сверху, то выйдет около двух копеек. Думаю, что это подходящая цена. Но, может, и все три.

Миша рассуждает, как взрослый. Забавно наблюдать, как он загорелся бизнесом.

— Хорошо, эти конфеты самые простые. Будем делать замысловатые — то и цену поднимем. А откуда ты так хорошо разбираешься в делах?

— Так, на побегушках: то купи, в деревню сбегай, сё принеси, это продай.

Смеюсь и снова протягиваю ему руку.

— Другими словами, ты незаменимый человек в усадьбе. Курьер!

— Вроде того. Не знаю слова «курьер», что-то с курами связано? — он так искренне признался и улыбнулся, что я снова рассмеялась.

— Нет, это как почтальон — человек, который доставляет товары.

— А-а-а-а! Ну, выходит, что я при усадьбе курьер и был. Вон впереди-то харчевня, уже есть хочется. И это, я сбегаю за пирогами и чайком, а вы от коней не отходите. Ушлых людей много тут ошивается.

— Обращайся ко мне на «ты», мы ведь родные.

— Хорошо, — и убежал в харчевню.

Я всё же спустилась с Фрейи, привязала её под деревом и решила умыться у колодца и хоть немного размять ноги. Час езды уже начал сказываться, особенно после вчерашней рабочей нагрузки.

Миша что-то задерживается в харчевне. Уже думала зайти и узнать: может, денег надо или обидели его...

— От, она! Краля! Офелия, кикимора болотная, босоногая графиня! Из-за тебя моего сынка давеча хлыстом какой-то ухарь стеганул. Ну я тебе сейчас также порку устрою.

Я ошалело обернулась и увидела тучного мужика: красномордый, крепкий и долбанутый на всю отмороженную голову.

— Извините. Вы это мне? А не с дуба ли вы упали, любезный! Твой ушлёпок кричал мне вслед гадости, и я теперь понимаю, в кого он такой придурок уродился. Я хоть и босоногая, но графиня, а ты — мужик. Руку поднимаешь — мало не покажется.

— Сучка, я этого так не оставляю, — не стесняясь свидетелей, взревел хам и сделал шаг навстречу. И да, в его толстой ручище плётка!

— Стоять! Я так понимаю, что ты какой-то староста в деревне? Так вот, тот человек, что отхлестал твоего дурака-сына, — новый управляющий. И он цветочек в сравнении с теми кня-

зьями, кто со следующей недели въезжает в поместье. Это меня вы, жадные уроды, обкрадывали и за человека не считали. А Петрович с вас семь шкур снимет. Я уезжаю в город, навсегда. А вы в этом году все долги отдадите, без штанов останетесь, потому что княгиня — мегера — найдёт опричников, и будут они вас бить каждый раз и уму-разуму учить, пока не научитесь уважать и платить налог. Не цените хорошее — получайте... А теперь проваливай! Пёс смердящий! Урод, руку на одинокую, беззащитную женщину поднять... Тьфу. Стоять рядом противно!

Вот это я выдала базу этикета. Да так громко и ёмко, что несколько мужиков, что стояли у телег, заслушались и тут же подняли на смех разгорячённого старосту. Уж они прошлись по его мужскому самолюбию так, что у меня уши в трубочку свернулись.

А тот замер. Видать, не в курсе про княгиню. Ну вот пусть теперь задумается.

Мишания выбежал, крикнул, что ждал свежие пироги — только из печи — и одну большую кружку с напитком нам на двоих. И мы, гордо подняв голову, прошли на лавочку у того дерева, где наши лошади привязаны.

— У-у. Мерзкий мужик, староста деревенский. Его сыночка вчера новый управляющий стегнул. Он вас... тебя обидел? — прошептал братец, кивнув в сторону красномордого.

— Да, обидел, но я ему дала отпор. Видишь, как его заклонило. Напугала новыми хозяевами: они нас не уважали, вот теперь княгиня из них дурь выбьет. А нам с тобой это лишний аргумент в пользу переезда в город.

Уже не обращая внимания на старосту, откусываю очень вкусный пирог: капуста и мелко рубленная курятина. Тесто пышное, корочка ровно такая, какая должна быть. И напиток вкусный. Молча уплетаем свой завтрак, а этот хам так и стоит. Видать, хочет спросить, но после нашей стычки замялся.

Какой-то городской мужчина на бричке и в кителе, наверное, почтальон. Не выдержал и подошёл к нам.

— Барышня, простите, что прерываю ваш завтрак, но очень уж некрасивая ситуация. Вы почему одна? Вот таких на дороге-то много. Если желаете, можем вместе до города.

Мы с Мишей переглянулись и кивнули.

— Да, только сейчас доедим. Мы с братом в город по делам, а одни, потому что наш батюшка помер, родных нет, слуг решили не дёргать. Видать, зря.

— Вот именно. Такая красивая девица и одна. Осторожнее надо быть. Я тогда тоже в таверну наведуясь, а вы обождите.

— Хорошо, дяденька, вы идите. Мы за вашей бричкой присмотрим, идите, — Миша, наконец, прожевал пирог и тоже вставил свою копейку в разговор.

Стоило почтальону уйти, староста решил:

— Это что ж получается: новые хозяева над нами? А как теперь? — довольно громко и грубо, но в голосе яркое недоумение появилось.

— А меня не волнует, как. Мне надоело вас терпеть. Поезжайте, радуйте своих: делу уже не поможешь. Я отказную еду подписывать. И надеюсь, что вашу физиономию больше не увижу! И надеюсь, что княгиня и её деспотичный управдом обломает вам рога. Прощайте и не мешайте нам с Мишей завтракать!

— Ай! — в сердцах махнул рукой и, поднимая пыль, потащился к своей бричке. Что-то матерное крикнул своему конюху. Вскарабкался, уселся, заставив повозку просесть, и умчался в сторону деревни.

Вот правда, зачем терпеть такое хамло? Офелия против таких людей — божий одуванчик. Поди, много раз рыдала в подушку от хамского отношения. А теперь всё изменится.

С аппетитом доели божественно вкусный завтрак. Миша унёс посуду в харчевню, мы неспешно умылись, посетили «заведение» для путников и через несколько минут тронулись

в путь, теперь в сопровождении почтовой брички. Она поднимает пыль, потому пришлось немного ускориться, ехать первыми по разным краям дороги.

Да, на самом деле, мне почему-то совсем не страшно.

Глава 11. Петрович

Сразу по приезде в поместье Даниил Петрович кратко представился, сам выбрал подходящую для себя комнату на втором этаже. Просторная, вполне сносно обставленная, но недопустимо пыльная, как и весь дом.

Осмотрелся, поморщился, приказал подготовить постель и хоть немного протереть пыль, хоть бы ради приличия. Евдокия окатила суровым взглядом незваного командира, но требование выполнила.

А потом завертелось-закрутилось, как калейдоскоп. Знай он, что эта должность с хорошим доходом окажется такой заковыристой, отказался бы. Но княгиня Дюжева умеет быть убедительной. Дала задаток, сыграла на порядочности. А теперь эта самая порядочность боком выходит.

И девчонку жалко, и работу выполнять надо. Опись делать особо и не пришлось: дом в упадке, конюшня накануне сгорела. И главная ценность поместья — юная Офелия-Лия Андреевна. Девушка романтического склада, к жизни совершенно неприспособленная, дурочка и, скорее всего, забитая и запуганная, а посему с радостью сядет, хвост прижмёт и согласится на должность «девочки для битья» при своенравной Пелагее Дюжевой.

Ан нет.

Романтической дури в девочке ноль!

Разумная, деловитая, слегка своенравная, языкаястая и рукодельница такая, что любая кухарка позавидует. И это не считая смелости, с какой она кинулась спасать свою любимую лошадь.

Про красоту и вовсе лучше не вспоминать: уж как этот «конюх» залётный пожирал глазами прелести Офелии.

Будь она постарше, хоть бы годков на пяток, он, не задумываясь, сам приударил бы за ней. Но она почти ребёнок.

Вчерашние леденцы окончательно выбили почву из-под крепких ног Даниила Петровича. Не такого уж большого любителя сладостей, но как она умудрилась за день из мусора, из конского корма создать нечто такое, от чего на душе соловьи поют?

Неразрешимая дилемма заставляет сердце конфликтовать с разумом. Никогда бы не подумал, что мелкая пигалица сможет вот так захватить его воображение полностью.

Ночь проворочался, а под утро крепко уснул и проспал неприлично долго: уже рассвело, и внизу Маруся уронила ведро, устроив резкую побудку управляющему и коту.

Пришлось вставать. И первая мысль: «Надо бы как-то ласковее подход найти, да слова правильные».

Преисполненный решимости найти подход к Лии, Даниил спустился с полотенцем на плече. На улице, у ручья, громко фыркая, умылся, обтёрся. И заметил, что дальняя коновязь, к которой вечером была привязана Фрейя, пустая.

Нехорошее предчувствие впилося, а потом проползло под кожу и неприятным покалыванием заставило тело почувствовать давно забытое напряжение, словно перед боем.

Почти бегом вернулся в дом, пытаясь сохранить приличия, — да куда там:

— Лия! Офелия! — крикнул в темноту сначала первого этажа, потом второго.

— Да они с Мишкой уехали. Вы ж сами их выгоняли. Ну вот, утречком до рассвета и сбежали, — из кухни вышла заспанная Маруся и, зевнув, подтвердила худшие опасения.

— То есть как сбежали? — язык, словно отстающий, только-только догнал и переспросил то, что разум уже и так понял.

— Да молча. Миша шепнул Федоту вчера, что коней заберут, и попрощался. Мальчонка и документы свои собрал. На работу, видать, наниматься. Она кухарка-то знатная оказалась. Кто бы мог подумать, что у нашей босоножки такие руки золотые: приспичило — и смогла.

Задумчиво проговорила и вернулась на кухню греть завтрак.

Постояв в дверном проёме, слегка остыв от потрясения, кулаком несколько раз стукнув в ладонь, решил.

Княгиня Дюжева клялась, что у неё есть точные сведения: со дня на день нотариус вскрыет завещание, и имение будет её, а безродную девочку выселят или пристроят.

Но в словах новой хозяйки показалось слишком много сослагательных наклонений, и, чтобы самому удостовериться в законности действий княгини, решил обыскать дом сразу, как приехал, и пока Офелия лежала в беспамятстве. Никаких бумаг не нашлось, даже намёка на документы.

— Что-то в этом деле есть эдакое. Кабинет и спальня графа пустые, как сусеки бедняков. В библиотеке, кроме книг, тоже документов нет. Даже имени нотариуса нигде не указано. Что-то тут нечисто.

Поднялся в ту единственную комнату, какую ещё не обыскал, — спальню самой Офелии.

В комнате Лии довольно чисто. Видно, что она собиралась наспех и ничего не взяла. Да тут и брать нечего. Платья все старые. В таких и по дому-то ходить стыдно.

Кстати, о платье. Одно из них лежит на заправленной постели — то самое, в котором она вчера старательно варила приворотные леденцы и также старательно изводила его своими колкими фразами.

Не устоял, взял в руку платице и поднёс к лицу. Едва заметный запах женского тела, мыла, жасмина и дыма. Возбуждение жаром пробежало по телу.

Вздрогнул и стряхнул с себя наваждение.

Ух, проняло!

Осмотрелся: в шкафу ничего нет. Ещё раз перепроверил полки комода — пусто. Никаких отеческих писем и наставлений, какие обычно пишут отцы детям, предчувствуя скорый уход в мир иной.

Собрался было выйти, но заметил небольшой портрет на маленьком столике в углу — фотографический портрет графа Цветкова.

«Любимой дочери».

Перевернул — и вот оно...

Под картонку засунута записка; судя по затёртости, много раз прочитанная. Переступил через порядочность, развернул, прочитал один раз. Потом второй — и охнул.

— Матерь Божья! Её выдают замуж? Вот оно, условие наследства...

Сорвался с места, как гончий пёс, пробежал в свою спальню, кое-как натянул на себя мятую, но чистую рубаху, камзол, документы и личные вещи. Есть вероятность, что ему тоже не светит возвращение в это поместье. Кажется, сейчас вообще все планы рухнут.

— Фе-до-о-о-от! Эй! Я в город, догонять Офелию Андреевну. Ты за старшего. Если полиция приедет из-за поджога, сам всё расскажешь, как оно дело было.

— Так, а завтрак-то! Кашу? — крикнула вслед Маруся.

Но Петрович уже умчался на улицу седлать своего коня. Только пока не осознавая одного очень важного момента: «Зачем?».

Вот примчится он, может быть, и найдёт её в большом городе, а что толку? Она ещё вчера дала понять, как к нему относится.

Нет никаких причин, кроме потребности видеть её, слышать смех и пробовать её очередную кулинарную выдумку...

А главное — знать, что она в порядке, жива, здорова и в безопасности. Вот с последним могут возникнуть проблемы.

— Найду, а там посмотрим...

Глава 12. Ах, вот какие условия...

После стычки с деревенским старостой появилось неприятное чувство незащитности. Мы с Мишей — два дитятки: наивные, слабые, другими словами, лёгкая добыча для таких вот красномордых уродов и их сынков. Сердце бьётся чаще, и надо прилагать усилие, чтобы не заставить лошадку ускориться. Офелия обычно так и поступала: в любой непонятной ситуации — на коня и в поля, чтобы ветер просушил слёзы.

Она — да, а я привыкла продумывать ситуации, просчитывать варианты и разрабатывать планы: А, Б, В...

Вдох-выдох. От почтальона мы немного отстали, и, как ни странно, как раз тихая езда позволила, наконец, сосредоточиться на важном: из поместья сбежали, а куда?

Наивно полагать, что леденцы сделают нашу жизнь легче или успешнее. Да, у меня есть внушительная сумма. Как понимаю, в этих скрутках с купюрами очень много копеек. Плюс золотой, но у нас даже смены одежды нет.

В принципе, после выяснения всех нюансов у советника можно рискнуть и вернуться, продолжить работу с леденцами. А потом, уже определившись со всеми делами, вернуться в город на постоянное место жительства. Нам и недели хватит, чтобы сделать несколько сортов продукции, а сейчас, если повезёт, продать то, что есть, и закупить то, что жизненно необходимо. Может быть, присмотреться к жилью...

Мои размышления прервал Миша:

— Смотри, вон за деревьями крыши показались — приехали. Лучше сразу на торговую площадь податься. Я там раза четыре бывал.

— Ты у нас вожак, води.

Городок не столичный, типичный районный центр. Население — от силы тысяч десять. Но в центре — мощёные улицы. Дома солидные, даже в три этажа есть. Но стиль: кому как в голову придёт, тот так и строит.

Минут десять по улицам — вот и площадь. Довольно просторная, и храмовый комплекс солидный, и дома, а дальше — улица с торговыми рядами.

— Мы к какому-то конкретному идём бакалейщику или к первому попавшемуся? — решаюсь уточнить.

— А начнём с первого. Если не выкупит, пойдём к следующему.

Улыбаюсь: у Миши нет блоков, он чётко верит, что наши леденцы восхитительные и их обязаны с руками оторвать.

Коней пришлось привязать рядом с каким-то «офисным» зданием и пройти вперёд пешком. Какое счастье, что на нас никто не пялится! Мы, простые горожане, мало чем отличаемся от остальных.

— Вот сюда, заходим.

Первая же дверь со стеклянными вставками и декоративной резьбой привлекла внимание Мишани. Игривый перезвон колокольчика заставил продавца оторваться от чтения газеты. Он оглядел нас и, решив, что мы «посмотреть», снова уткнулся в местечковые светские хроники.

Мы и осмотрелись.

В магазине много всего и сразу: крупы, соль, фасоль, бобы, горох, мука, мёд, спички, керосин, даже какая-то посуда. Солонина, масло, травы для чая, чаи заморские. И цены действительно в копейках.

А самое удивительное — очень мало привычных сладостей. Отдельно, как великая драгоценность, на полке установлена белая сахарная «голова». И, как указано, доставлена из-за границы, посему непоподъёмно дорогая — около трёх рублей за штуку. Примерно полтора килограмма сахара, если навскидку. Странно, что здесь никто не варит солодовый сахар.

А ещё странно: нет никакого алкоголя. Может, сухой закон? Вот это уже отличные новости.

Набралась смелости и обратилась к хозяину:

— Прошу прощения, вы товар на продажу берёте?

— Смотря что. Травы и чай не берём. И так много.

Я его заинтересовала только внешним видом. Пришлось развернуть нашу стеклянную банку с янтарными конфетами и поставить на стол.

Чувствую себя золотодобытчиком на Диком Западе: принесла самородок в лавку оценщика, а он не может понять, что я такое предлагаю.

— Это что? — ему пришлось встать и отложить газету.

— Леденцы. Как вот тот ваш сахар и как вот эти молочные конфетки по три копейки за штуку. А это — леденцы. Они, кстати, ещё и от кашля помогают. Полностью натуральный продукт. Очень сладкий. Для удобства...

Я вдруг начала расхваливать свой товар, а Миша сделал ход конём: осторожно открыл банку, достал драгоценность и протянул хозяину лавки.

Мы замерли в ожидании чуда или провала.

Мужчина также осторожно двумя пальцами принял леденец, внимательно осмотрел и, не заметив ничего ужасного — типа грязи, волосинок или муравьёв, — положил конфету на язык и, причмокивая, начал рассасывать.

Несколько секунд длилась дегустация, и, наконец, он улыбнулся.

— Полторы копейки штука — наша цена, — тут же выпалил Миша, боясь, что я предложу за копейку. — Деньги сразу.

— Беру всё! Сейчас расчёт сделаем. Банка вам нужна?

Мы кивнули: банка нам нужна, и ещё много чего нужно: спички, приправы, сушёные ягоды, мёд. Нам нужно всё, чтобы развернуться.

Не веря в такой лёгкий успех, мы помогли пересчитать все конфеты. Их оказалось восемьдесят девять.

Бакалейщик красиво выложил наши леденцы на тарелку и накрыл стеклянной колбой. Выплатил нам чуть больше, округлив до рубля и сорока копеек.

— А вы сами делаете эту божественную вкусноту?

— Да. Меня зовут Лия Антонова. Конфеты мои, делаем сами с братом. Раз есть спрос, то мы рецепт усложним. Дело не такое быстрое, но есть куда развернуться.

Он наклонился вперёд и прошептал:

— Я буду покупать у вас всё! О цене ещё поговорим: надо понять, как приживутся эти конфеты. Но я уверен, что они пойдут на ура.

Мы ещё немного поговорили, но в лавку вошли покупатели, и бакалейщику пришлось нас отпустить.

Окрылённые успехом, стоим у витрины и наблюдаем, как наш новый компаньон нахваливает конфеты. И пяти минут не прошло, как из лавки вышли первые покупатели, и у них изо рта торчат наши палочки «Чупсиков». А лица выражают высокую степень блаженства.

— Это успех! Мы ещё вернёмся в лавку, нам продукты нужны. Но не сейчас. У меня есть фамилия стряпчего, у него были какие-то отношения с отцом. Думаю, что этот человек сможет нам пояснить всё, что касается наследства и вообще нашего будущего.

— Ах, вон оно что! Я в таких делах не знаток. Наверное, ты права. Вон извозчик: они тут каждый дом знают. Спроси по имени или адресу.

Улыбаюсь: какой же Мишка разумный, снова дал дельный совет. Он мой ангел-хранитель. Плохо, если Офелия этого не ценила. Но что уж теперь об этом думать. Нам нужно срочно определиться с планами на ближайшее будущее. А без старшего советника Звягина этого сделать невозможно. Я ничегошеньки не понимаю в местных законах.

Извозчик только обрадовался заказу, и он бы нас развёл, как лопушков: пригласив в таратайку и прокатив с ветерком вокруг площади. Да сам и спалился: кинул взгляд на самое большое здание на площади. Мы и так поняли, что там три административных здания: «Дом судебного производства», коллегии всякие — и земельная, и юридическая, и нотариальная контора, — а рядом здание банка.

— Спасибо, мил человек, за помощь! — крикнул Миша и потянул меня за руку сначала к нашим коням: перевязать бы их надо ближе к месту. Там и тень от раскидистых каштанов.

— Страшновато мне, но правду узнать надо, — признаюсь в собственной слабости. Прячу опустевшую банку в седельную сумку, поправляю причёску, платье, глядя в тёмное большое окно первого этажа «офисного центра». И Миша повторяет за мной. Мы переглянулись и поспешили искать старшего советника Звягина К. М.

Наудачу или, наоборот, но он оказался на месте. Секретарь сразу доложил о нашем визите. Я уж подумала, что к такому человеку надо заранее записываться: сейчас мне отворот-поворот дадут. Но нет.

После недолгих переговоров двери распахнулись, и к нам вышел невысокий мужчина средних лет. Вполне адекватной внешности: никакой надменности, никакого пафоса. Увидев меня, он так улыбнулся, словно я — незакрытая банка сметаны, а он — страшно голодный кот.

— Сударыня! Вы решились! И к чему же было так долго страдать? Всё равно получается так, как я вам предсказывал. И вот мы снова встретились, и вы готовы обсуждать условия. И я смею надеяться, что вы осознанно согласитесь на них.

— Простите, я, к сожалению, попала пару дней назад в ужасную ситуацию: упала с лошади и потеряла память, посему приехала к вам за разъяснениями.

— Так это ещё лучше, — в запале эйфории он не заметил, как ляпнул неуместную фразу. Когда это было лучше: падать с лошади, тонуть в болоте или особенно терять память?

Но он крепко схватил меня за руку и почти силой завёл в кабинет. Миша — за мной.

— Валерий, быстро привези сюда, сам знаешь кого. Одна нога тут, другая там — срочно, пока управа не закрылась! — Звягин со мной говорит приторным говором, а на своего секретаря так рывкнул, что мы с Мишей вздрогнули.

Дверь захлопнулась. Нам предложили сесть на два кресла у стола. Старший секретарь сцепил пальцы замком и так на нас посмотрел, словно мы его дети-троечники, которые вдруг четверть окончили на одни пятёрки.

Сидим, молчим.

Звягин явно не хочет раскрывать карты раньше времени, потому я делаю первый ход: захожу с мелких наводящих вопросов.

— Так на что я решилась?

— Я бы подождал. Всего несколько минут, Наталия Андреевна, всего несколько минут...

— У нас есть какой-то родственник? Княгиня, как её... Дюжина, Дюжева? — он молчит, а я перебираю версии, пытаюсь разговорить хитрого советника, иначе сейчас психану, и закрытая дверь не удержит.

— Послушайте, ваш отец обо всём распорядился. Перед смертью договорился о вашем браке с очень предприимчивым, надёжным человеком. Да, он немолод, у него есть взрослый сын, но этот господин позаботится о вас наилучшим образом. Проявите благоразумие и получите вот этот пакет всех ваших документов: и на любимых коней, и на мачтовый лес, и на поля, и на три деревни, лесопилку, про акции и вообще молчу. Зачем отдавать Дюжевой то, что вы можете забрать и жить счастливо, совершенно ни о чём не заботясь...

— Это я настолько богатая? И почему отцу было просто не отдать нам с Мишей все эти документы без всяких условий?

— Вы бастард, незаконнорождённая, и без крепкого мужа-дворянина по закону я не могу оформить бумаги на вас. Кроме того, ваш нежный возраст не позволит мне этого сделать. Но в завещании мы сделали лазейку: замужество спасёт вас от нищеты. И с этим человеком ваши дети будут рождёнными в законе. Вы мгновенно решите все свои проблемы. Но решиться нужно прямо сейчас, моя дорогая. Завтра в полдень я вскрою завещание вашего отца, и если вы не вступите в брак до этого момента...

— Интересно, почему я не соглашалась сразу на этот лёгкий шаг? — ошарашенная новым поворотом событий, шепчу себе под нос риторический вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.